

А.П. ШТЕПЕНКО

298131

На гальчым
бамбардзіровішчы

Цена 2 руб. 50 коп.

V.N. Karazin Kharkiv National University

00816241

6

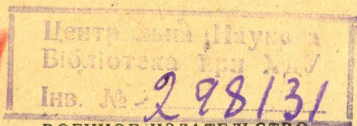
Герой Советского Союза
ПОДПОЛКОВНИК
А.П.ШТЕПЕНКО

**На дальнем
бомбардировщике**

ЗАПИСКИ ШТУРМАНА

ПРОВЕРЕНО
ЦНБ 1945

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ОБОРОНЫ
МОСКВА — 1945

ПРОВЕРЕНО
ЦНБ 1948 г.

59

300/7
2000 2-475

1

ПЕРРОН Северного вокзала. Мы стоим у сибирского голубого экспресса. Вчера, напутствуя нас, Иван Дмитриевич Папанин сказал: «1941 год для всех нас, полярников, является решающим. В этом году мы завершим атаку, чтобы закрепить окончательную победу человека над суровой арктической природой. Вы, лётчики, наш авангард».

Жена моя, взглянув на неумолимо движущуюся стрелку больших круглых часов, говорит мне:

— Ты же там, Саша, береги себя.

Я вижу, что у неё из левого глаза скатилась большая слеза.

— Ты конкретнее говори, как беречь себя и когда беречь, а то общие пожелания не запоминаются.

— Закрывай шею шарфом, и не рискуйте сильно. И в тумане не летайте, — и из правого глаза жены скатилась вторая слеза.

— Вот ты больше десяти раз провожаешь меня с этого вокзала. И столько же раз встречаешь. Ведь знаешь, что вернусь благополучно, а каждый раз почему-то плачешь. Тебе не стыдно людей?

— Да, плачу и буду плакать. И людей не стыдно. Подумаешь, все плачут, и никому до нас нет дела.

Два резких звонка, один крепкий поцелуй, и экспресс медленно трогается. Поезд набирает скорость. На перроне толпятся люди и машут платками и шляпами.

Густыми лесами, по необозримым степям, через большие и маленькие реки, между озёр и гор поезд уносит нас на восток. Часами мы смотрим в окна вагона, любуемся широкими просторами нашей родины, её богатствами. Невольно в мыслях проносятся слова песни, и мои мысли, точно электрическая искра, передаются соседке. Высоким девичьим голосом она запекает:

Широка страна моя родная,
Много в ней лесов, полей и рек.

И, подхваченная пассажирами, могучим хором гремит в вагоне гордая песня о свободном человеке:

Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек.

Низко стелется дым, паровоз быстро вращает колёсами. Из окна вагона смотрю я на степь, и мысли, как добрые кони, уносят меня в далёкое детство.

На берегу речки стоит наш дом. Отец и старший брат стучат молотками по железу: они делают вёдра, трубы, кастрюли и всевозможные жестяные вещи. Мы же с другим братом ходим по селу и у каждого дома по очереди горланим:

— Вёдра починяем! Кастрюли новые делаем!

Летний зной. Раскалённый песок жжёт босые потрескавшиеся ноги. Хорошо, если удастся быстро получить заказ на работу, тогда можно сбежать к речке и с ребятами посидеть и поплавать в воде. Когда же нет заказа, до позднего вечера охрипшими голосами кричим: «Дёшево делаем! Хорошо делаем! Крепко делаем!»

Мысли уносят меня дальше. Юношеские годы. Мы с отцом работаем по ремонту церквей. Я забираюсь на высокий купол к кресту и, глядя в даль, мечтаю, а отец кричит:

— Эй, мастер, смотри, не свались!

Впоследствии отец стал привязывать меня к кресту.

— Ну, теперь можешь мечтать.

На пятые сутки, пробежав пять тысяч километров, экспресс остановился у перрона Красноярского вокзала. Простились с пассажирами, с которыми за время пути успели близко познакомиться, и поехали к месту стоянки наших самолётов, откуда нам предстояло лететь в Арктику.

Лавируя между брёвен и плотов, катер доставил нас на правый берег Енисея. В тихой небольшой бухточке стоял, покачиваясь на якоре, наш самолёт — двухмоторная летающая лодка. На берегу, на песчаной площадке, несколько самолётов ожидало своей очереди спуска на воду. Отсюда лётчики полярной авиации улетали во все моря Советской Арктики.

Жизнь была здесь ключом. Взлетали и садились самолёты. Катера буксировали гидропланы, снимали их с якорей, отводили на старт или же тащили со старта в бухту. На берегу грохот, моторы ревут, винты поднимают тучи пыли.

Субботний тёплый вечер. В городе необычное оживление. На катерах, пароходах, лодках, машинах, пешком красноярцы отправляются за город, на знаменитые Столбы. Пользуясь свободным временем, мы потянулись за всеми. Через два десятка километров вверх по течению Енисея катер высадил нас у примитивной пристани на правом, лесистом и скалистом берегу.

В лесу, на полянке, недалеко от высокой отвесной скалы, горит костёр. От света костра сумерки

кажутся гуще и лес темнее. За разговорами, шутками и смехом время бежит легко и быстро. По лесу разносится старинная песня про храбрых русских людей:

Ревела буря, дождь шумел,
Во мраке молнии блистали,
И непрерывно гром гремел,
И ветры в дебрях бушевали.
На диком берегу Иртыша
Сидел Ермак, объятый думой.

Где-то недалеко от нас поют украинскую песню:

Ихав козак за Дунай,
Сказав дивчине: «Прощай».

Быстро проходит короткая летняя ночь. Наступает рассвет. Отдыхающие готовятся к самому главному, за чем сюда приезжают, — встречать восход солнца.

На горах золотятся верхушки деревьев. Лучи восходящего солнца спускаются с гор и вскоре заливают ярким светом холмы, на которых мы сидим.

Все замолкли. Не слышно ни песен, ни веселого смеха. Человек не нарушает тишины рождения нового дня. Только птицы перекликаются на все голоса.

По высоким и тонким, как столбы, горам это место, окруженное лесами, и получило название Столбы. Слава о Столбах распространилась за пределами Красноярска. Сюда приезжают встречать восход солнца эскурсанты из далеких городов.

В понедельник катер отбуксировал наш самолет из бухты на плес большого Енисея. Отданы буксирные концы. Запущены моторы. Гидроплан

бежит по широкой реке, вверх по течению. Новые моторы звенят высоким тоном. Последние метры на редане. Чуть касаясь воды и легко взмыв, мы проносимся над просыпающимся Красноярском. Крутой разворот — и мы идем на север вниз по Енисею. Река становится все уже и уже. Наш самолет набирает высоту.

2

ЧЛЕНАМИ нашего экипажа были: первый пилот (он же командир самолёта) Герой Советского Союза Михаил Васильевич Водопьянов, его помощник (второй пилот), участник многих экспедиций Эндель Карлович Пусэп, консультант по арктическим вопросам (третий пилот) Борис Григорьевич Чухновский, первый борттехник (инженер корабля) Константин Николаевич Сугробов, участник экспедиции на Северный полюс; я, первый штурман, радист, второй техник и второй штурман.

У всех нас был многолетний стаж работы, и, пожалуй, нет такого места на Севере, где бы мы не бывали — над всем побережьем и островами Баренцова моря до берегов Аляски.

Через семь часов полёта под нами во всей своей красоте — первый заполярный город Игарка, наша база, с которой мы будем совершать свои полёты в море, пока не наступит лето и не откроются гидроаэродромы в Карском море.

Крутой вираж над городом. Самолёт легко и плавно чертит воду и останавливается у бочки на якоре. Концами лодка прикрепляется к бочке, и мы на катере подъезжаем к пристани. Нас встречают знакомые игарцы и ранее прибывшие сюда летчики.

В Игарке идет полным ходом подготовка к летней страде — навигации. Лесозаводы работают день и ночь. На пристанях и причалах расчищаются места для приёма океанских пароходов.

Солнце, светящее круглые сутки, дает авиации возможность работать непрерывно. Уходят и приходят рейсовые самолёты.

Связавшись по радио с полярными радиостанциями в Карском море и узнав от них обстановку, мы вылетаем из Игарки в Карское море.

После шестнадцати часов полёта над ледяными, ещё не тронутыми весенним солнцем просторами Карского моря мы возвратились в Игарку. Планируя на посадку, мы увидели у бочки, рядом с нашей стоянкой, покачивающийся на воде самолёт одинаковой с нашим конструкции. Это был самолёт лётчика Ивана Ивановича Черевичного, с которым у нас существовало тайное, никем не высказанное соревнование — сделать ледовую разведку наивозможно большей площади, с наибольшим количеством часов налёта.

Экипаж лётчика Черевичного в основном был тот, с которым он зимой 1940 года летал в район Полюса недоступности, где совершил три посадки на льдине. Члены экипажей хорошо были знакомы друг другу, и даже больше — многие были большими приятелями. Здесь же, на пристани, состоялась встреча двух соревнующихся экипажей. Посыпались вопросы о Москве, о близких и знакомых. Не обошлось и без «подначки».

Кто-то из экипажа Черевичного сообщил, что лётчик Матвей Ильич Козлов, базирующийся в Нарьян-Маре, на реке Печоре, сделал один полёт в Баренцовом и Карском морях продолжительностью в двадцать пять часов. Сразу все остальные вопросы перестали нас интересовать, и

мы всячески пытались выяснить подробности этого замечательного полёта.

Но никто не знал подробностей. Вскоре Черевичный со своим экипажем вылетел из Игарки на восток, к устью реки Лены, откуда он должен был проводить ледовую разведку морей Лаптевых и Восточно-Сибирского.

Черевичный улетел, и мы лишились сна. Двадцать пять часов полёта лётчика Козлова без посадки не давали нам покоя.

— Механикам заливать горючее, штурманам узнавать погоду и готовить маршрут, — распорядился наш командир.

— Михаил Васильевич, на сколько часов готовить маршрут полёта?

— Маршрут готовь на всё горючее. Время — по погоде. С первой сносной погодой вылетаем.

Подготовка шла быстро и весело. Полёт обещал быть очень интересным. Осуществлялась, наконец, моя давнишняя мечта — составить ледовую карту всего Карского моря, прилегающих морей и частей океана.

Погода стояла хорошая. Заняв места в самолёте, мы отвязались от бочки и порулили на большой Енисей для взлёта. Был штиль.

Два раза мы тщетно пытались оторваться: бежали по течению, пробовали против течения. Но лодка зарывалась носом в воду и никак не хотела выходить на редан. Зарулили обратно на стоянку, выгрузили всё, что казалось лишним, и слили полтонны горючего. После этого, хотя и с трудом, лётчикам удалось оторвать присосавшуюся лодку от воды. Каждый приступил к своей работе.

Вскоре, за Усть-Енисейским портом, воды Енисея как бы обрывались и дальше пробивались к

морю уже под льдом. Сильное течение весенних вод на ледяной кромке ломало и подминало лёд. Громадные льдины поднимались высоко из воды и затем обрушивались вниз, создавая водоворот и кроша льдины на мелкие части.

Дальше на север воды вовсе не стало видно. У Карского моря перед нами открылась белая ледяная поверхность, освещаемая низким полярным солнцем.

Оба наши пилота давно уже вышли из того пилотского возраста, когда управление самолётом доставляет удовольствие. Они в своей жизни столько крутили всяких штурвалов, что сейчас по первой просьбе уступают свои места любителям.

Водопьянов уступил мне своё пилотское место, а сам ушёл в кают-компанию. Пусэп, передав мне управление, уселся поудобнее и, отвернувшись от солнца, стал дремать.

Недалеко от острова Диксон курс был взят на запад, к острову Белому и к берегам Новой Земли.

На первый взгляд ледяная поверхность моря кажется ровной, белой. Но для нас, ледовых разведчиков, лёд не ровный, не одинаковый и даже не белый.

На нашей карте всё больше и больше появляется условных значков всевозможных форм и цветов; по ним будет составлено и отправлено в Москву подробное донесение о ледовой обстановке.

Пролетаем остров Белый. Он закрыт облаками, и место полярной станции мы определили по радиокompасу. Но облака были здесь местного характера, и вскоре мы продолжали полёт к берегам Новой Земли уже при хорошей видимости.

Ледовая обстановка становилась всё более сложной и запутанной. Я ни на минуту не мог уже оторваться от наблюдений. Самолётом теперь управляли сами лётчики по очереди.

Дойдя до восточного берега Новой Земли в районе пролива Маточкин Шар, мы повернули на север и продолжали полёт вдоль берегов Новой Земли. Слева от нашего пути тянулась горная цепь с ледниковыми куполами, сверкавшими на солнце. Некоторые ледники доходили до берегов и, обрываясь высоким пластом льда, уходили под воду. Отсюда, с этих ледниковых обрывов, возникают айсберги. Смерзшиеся с ледяными полями, они высоко торчат среди льдов.

На северной оконечности Новой Земли, на Мысе Желания, — одна из старейших полярных станций. Ещё в давние времена мореплаватели пытались обогнуть этот мыс с запада, с моря Баренца, и войти в Карское море. Но редко кому это удавалось. Один из таких неудачников, которому льды преградили дорогу в Карское море, и назвал эту оконечность Мысом Желания.

Развернувшись над полярной станцией, мы пошли прямо на север, вдоль границы двух морей: моря Баренца, чистого от льда, и Карского, забитого льдами до горизонта.

Незаходящее солнце стояло низко на горизонте, бросая на снег длинные тени от торосов. Монотонный шум моторов стал привычен. Воздух спокоен. Машина идёт ровно. Внизу же однообразная картина — слева вода, справа льды.

Водопьянов спит на походной койке. Чухновский залез в спальный мешок, наблюдает в иллюминатор, зарисовывает льды. Сугробов на своём чердаке возле приборов дремлет. Пусэп

держит одним пальцем штурвал и приучает машину ходить без помощи лётчика. Мой помощник начинает сдавать — истекает двенадцатый час нашего полёта. Я не даю ему дремать.

— Абрамсон, запишите! — и он пишет под мою диктовку:

«Баренцово море, чистая вода. Кромка десятибалльного мелко битого льда тянется от Новой Земли до широты 80°».

Если нечего записывать по льдам, то у моего помощника много другой работы, и я ему напоминаю: «Проверить угол сноса. Рассчитать ветер, взять радиопеленги».

У Абрамсона слипаются глаза, но всё делает тотчас же и аккуратно.

Рында громко звонит, созывая команду воздушного корабля на обед. Мы у острова Греэм Белл, самого восточного из архипелага Земли Франца-Иосифа. Водопьянов показывает место, где у него когда-то была вынужденная посадка. А потом, обращаясь ко мне, говорит:

— Ты что, на Северный полюс хочешь улететь? Смотри, рассчитывай получше, а то посадишь нас всех среди моря. — И с этими словами уходит в столовую, откуда несётся запах настоящего украинского борща.

Пусэп тоже потянулся на запах борща.

Накренив корабль, поворачиваю его на новый курс, на восток. Но у меня что-то плохо получилось с креном. Прибегает Пусэп:

— Что здесь случилось?

— Ничего особенного.

— А почему у меня тарелка с борщом перевернулась?

— Да это я поворачивал самолёт на новый курс.

В ответ я получил внушение насчёт координации движений педалей и штурвала. Так сказать, чтобы борщ больше не переворачивался.

Среди необозримых ледяных просторов Северного Ледовитого океана стоит одинокий небольшой остров Ушакова, зажатый со всех сторон льдинами. Остров, как шапкой, покрыт белым ледником. Обнаружить его можно только при точном расчёте полёта, зная заранее место его расположения.

После острова Ушакова полёт продолжаем на восток. Надолго исчезли даже признаки земли. Рядом со мной, на втором сиденье, Чухновский одной рукой искусно ведёт самолёт.

На полярных станциях, с которыми мы держим связь, каждые четыре часа сменялись вахты. Радисты первой смены уже выпалились и, вновь заступив на вахту, спрашивают нас: «А вы всё ещё летаете?»

А мы всё ещё летаем...

Прошло шестнадцать часов полёта. Рында звонит на ужин и на смену вахты. Разворачиваем самолёт на юго-запад. Кругом на сотни километров всё та же однообразная картина: льдов много, а воды мало. Мы, штурманы, продолжаем своё дело: высматриваем и отмечаем разное строение льда — это цель нашего полёта.

Далеко на восток медленно проплывают сверкающие ледники островов Северной Земли. Погода нам благоприятствует, прозрачной чистоты арктический воздух делает видимость почти беспредельной.

Остров Уединения чернеет одиноким пятном среди белых льдов. Здесь весна в разгаре. Зимний снежный покров сменили ручьи и лужи тёмной воды. Обнажились скалы и пригорки с редким мхом. На берегу одинокий дом с двумя мачтами.

Четыре человека машут нам шапками. Появление самолёта для них, проживших два года на одиноком острове, — начало летней навигации, а с ней и близость смены.

Прошло двадцать часов. Остров Диксон. Вот он под нами, знакомый до мелочей, близкий и родной. Скоро мы сюда переберёмся. Отсюда будем работать всё лето. Сейчас он чёрный, мокрый и грязный от недавно стаявшего снега. Но прогреет ещё больше солнышко, и здесь зазеленеет мох и зацветут жёлтые и белые цветы. Тогда он будет похож на красивый ковёр.

От Диксона мы идём на юг, доходим до пролива, где начинается Енисейская вода, и видим, что за время нашего полёта кромка льда оттеснена на пять километров ближе к морю.

Двадцать четыре часа полёта. Нужно решить, что делать дальше. Мы над селением Дудинка. Здесь можно было бы дозарядиться. Но на Енисее сильный ветер. Садиться здесь без нужды нет смысла. Оба пилота на своих местах.

— Сугробов! Сколько осталось горючего в баках? — обратился Водопьянов к инженеру.

— На один час полёта, товарищ командир.

— Штурманы! Сколько времени лететь до Игарки?

— Один час две минуты, — ответил я.

От Дудинки до Игарки идём почти по прямой. Водопьянов срезает все речные изгибы, чтобы сэкономить время. Ветер швыряет нашу машину.

Когда бензиномеры перестали показывать наличие горючего в баках, Водопьянов перестал срезать речные изгибы и повёл машину над серединой реки, готовясь на случай остановки моторов посадить её на воду.

Моторы чихнули по одному разу и перестали тянуть самолёт. Но этого уже и не требовалось.

Свое дело моторы сделали. Через двадцать пять часов полёта наш самолёт коснулся днищем воды и, пробежав по ней, остановился.

Сильное течение быстро понесло гидроплан. Подошедший катер бросил концы и прибуксировал нас к месту стоянки. Это было 22 июня.

3

НА ВЫСОКОМ крутом берегу гостиница аэропорта. Кругом ни одной живой души. Даже ребятишек, которые обычно почти круглые сутки копошатся на берегу, нигде не видно.

В большой битком набитой комнате гостиницы на наш приход никто не обратил внимания, будто это не мы сейчас вернулись с далёкой Арктики после двадцатипятичасового полёта. Через несколько секунд мы тоже забыли свой почти рекордный полёт и все то, что было у каждого из нас до этого дня, до этого часа, когда мы услышали первые слова правительственного сообщения о вероломном нападении Германии на Советский Союз.

Мы решили немедленно лететь в Москву. Усталость как рукой сняло. На метеостанции дана была заявка на полёт по маршруту Игарка — Архангельск.

По синоптической карте погода, если расценивать её по мирному времени, была неважная, ну а с военной точки зрения вполне сносной.

Слово «война» как-то быстро вошло в наше сознание и резко перевернуло взгляды на привычные вещи.

Слегка штормило. Порывистый ветер и большая волна не давали возможности подтянуть самолёт к пристани, поэтому снаряжали его горючим с лодок.

На берегу собралась большая толпа.

Мы прошли сквозь строй расступившихся людей к лодке, доставившей нас к самолёту.

Отданы концы. Запущены моторы. Волны накрывают поплавки, брызги летят через моторы. Полные газы. Гидроплан бежит по волнам, ударяется сильно о гребень большой волны — зубам больно. Ещё удар — и мы низко несёмся над белыми гребнями. Самолёт, похожий на летающую рыбу, уходит на запад.

Появляются облака. Мы пробиваемся вверх и идём над белыми ватными полями.

Где-то внизу, под облаками, проходят залив Хальмер-Седа, самая большая в Европе и в Азии реки Обь и Хайпудырская губа в Баренцовом море. Подходим к устью реки Печоры. Кругом всё такая же белая, ровная вата.

С промежуточного гидроаэродрома в Нарьян-Маре нам сообщили, что для получения разрешения на прилёт в Архангельск следует остановиться в Нарьян-Маре. Делать нечего. Вывожу самолёт за облаками по радиополукомпасу на радиостанцию. Когда стрелка прибора показала, что мы над станцией, прошу лётчиков пробивать облака и спускаться вниз.

Осторожно, явно не доверяя моим расчётам, лётчики снижаются в молочной массе облаков. Высотомер всё ниже и ниже. Высота малая. Лётчики, видно, уже совсем не верят мне. Но вот мы уже под облаками, и под нами большой плес, где на якорях стоят два самолёта. На берегу бежит посадочный сигнал. Водопьянов, улыбнувшись, говорит мне:

— Здорово у тебя получилось — вышли прямо туда, куда надо!

— Ничего не сделаешь — война требует точной работы.

Заходя на посадку, Водопьянов добавляет:

— Вот так бы на Берлин выйти!

— Найдём и Берлин, — отвечаю, укладывая штурманские приборы в сумку.

Получив радиogramму, разрешавшую прилёт в Архангельск, мы быстро собрались.

Облегчённый, с малым количеством горючего, гидроплан легко отрывается от волны.

Позади остаётся Печора и холмистая, изрезанная ручьями, коричневая тундра. Тёмные свинцовые облака прижимают нас низко к тайге. Ветер болтает самолёт. Обходим стороной грозовые облака, спускаемся до самой тайги и снова доворачиваем самолёт на запад. Солнца не видно, оно где-то высоко, за толстыми облаками. Косые полосы ливня преграждают нам путь. Мы проскакиваем между полосами и низко, на бреющем полёте, несёмся над тайгой.

Впереди снова туча с ливнем и градом.

Лететь по прямой нельзя. Верная гибель. Круто отвернув в сторону, обходим подальше опасное место. В самолёте тихо. Лица у всех сосредоточенные. У каждого одна дума — о войне.

Погода плохая, очень плохая. Бывают моменты, когда самолёт вдруг встаёт на крыло, и кажется, что пилот не успеет выровнять машину и мы врежемся в тайгу. А она вот здесь, совсем рядом. И всё-таки мысли не об этом. И не опасность тревожит нас, а нетерпение.

Облака резко стали повышаться.

Мы проскочили грозовой холодный фронт. Низко разворачиваемся над островом, где расположена база нашего гидроаэродрома, и не узнаём его.

На острове, всегда пустынном, необычайное оживление. Всё поле установлено сухопутными самолётами. Снуют автомашины и тягачи. Идёт какое-то строительство, расширяется лётное поле.

Заходим на посадку. По самые винты зарывается наша лодка в волну.

Ветер против течения создаёт в воде такую кутерьму, что наша лодка рулит с трудом, не слушаясь управления. Всё же подрулили к песчаному берегу и с помощью команды рабочих аэропорта закрепили самолёт на месте.

На лётном поле, поднимая тучи пыли, рулят один за другим самолёты с подвешенными бомбами, взлетают и, построившись над аэродромом, скрываются вдаль.

Возвратившаяся с запада группа самолётов заруливает на окраину поля. К самолётам подходят бензозаправщики и грузовики. Заливают горючее и подвешивают бомбы.

— Молодцы военные, — говорит начальник гидроаэродрома, — хорошо летают. День и ночь без перерыва.

— А куда они летают? — спрашиваем мы.

— На Запад. Финнов бомбят. Вы-то сами, что думаете делать?

— А вот доберёмся до Москвы, а там думаем, что и для нас работа найдётся.

— Найдётся; сейчас для всех работа найдётся. Я вот сам думаю отсюда уходить, уже подал заявление, — и, указывая рукой на самолёт, заходивший на посадку, сказал:

— А этому, наверное, здорово досталось, на одном моторе вернулся домой.

К остановившемуся среди поля самолёту подошёл тягач и притащил к месту неподалеку от нас. Из разбитого мотора текло масло. В фюзеляже и плоскостях много разных дырок. Пилот узнал Водопьянова.

— А, Михаил Васильевич, здравствуй. С прилётом тебя. Это твоё корыто болтается?

— Здоров, здоров, вояка! Ну как воюешь?

— Да ничего, воюю помаленьку.

— Ты чего же так машину исковеркал? Что, разве жарко было?

— Да, это мне для вентиляции несколько дырок сделали.

— Что, здорово стреляют?

— Да нет, не особенно здорово. Бывает хуже. А так ещё ничего, жить можно. — Пилот сел в машину и на ходу добавил: — Ну, пока! Там ещё встретимся.

В столовой молодые девушки в белых передниках и косынках бойко обслуживают обедом прибывающие с полётов экипажи.

— Что, девчата, тоже воюете? — обратился Водопьянов к молодой весёлой девушке.

— Воюем, Михаил Васильевич, — задорно отвечали девушки, — а то как же, теперь всем надо воевать. А вы-то сами куда сейчас?

— Да вот спешу на войну, да никак до неё не доберусь.

— Ну, спешите, поторапливайтесь. А то можете и опоздать. Наши лётчики здорово им дают.

Среди военных людей, одетых одинаково — в гимнастёрках, перехваченных ремнями, и в пилотках — мы, в своих кожаных тужурках, в кепках и фуражках разного покроя и цвета, чувствовали себя не совсем хорошо. И каждый из нас только и мечтал о том дне, когда наденет вот такие же гимнастёрки с голубыми петличками.

Наконец, мы получили воздушный пароль и разрешение на полёт в Москву. Условия были жёстче, чем те, при которых прилетали сюда раньше. Требовалось в определённый час на такой-то высоте пройти точно в указанных воротах.

Обычно для гидропланов путь из Архангельска на Москву проходил над системой рек и озёр

и намного удлинял весь маршрут полёта. Нам же разрешалось лететь только по прямой, соединяющей Архангельск с Москвой.

— Ну, хлопцы, — устраиваясь на своём сиденье, сказал Водопьянов, — ещё один полёт на этом добром корыте, а там пересядем на хорошего коня.

— А нельзя ли, Михаил Васильевич, на этом самолёте, вот всем нашим экипажем воевать? — спросил Пусэп, занимая своё место.

— Нет, нельзя. Аэроплан хотя и добрый, но для войны не годится. Ни высоты нет, ни скорости. Собыют с первого вылета. Ну что, все готовы?

— Готовы!

— Запускай, Костя, моторы, да почапаем по-маленьку.

Моторы, пригретые солнцем, быстро запустились. Мы отошли от берега и, порулив вверх по течению реки, развернулись.

— Ну, пошли! — сказал Водопьянов и двинул ручку газов доотказа.

Моторы зазвенели и быстро вытащили лодку на редан. Самолёт оторвался от воды.

Ну, Москва, принимай в свои ряды путников из далёкой Арктики! Как-то ты, Москва родная, сейчас выглядишь? Далеко мы были от тебя, а всё же во время прибудем, в самый нужный час. Сколько людей, сынов твоих верных, сейчас стремится к тебе со всех концов страны великой, вот так же, как мы, чтобы грудью своей отстоять тебя, родную, от врага.

На малой высоте держим курс на юг, туда, где высоко стоит яркое солнце в чистом голубом небе. А под нами всё лес и лес. Могучий, зелёный, густой лес. Как же его много в нашей стране! Летели с востока на запад — был лес. Сей-

час на юг повернули, а он всё такой же кругом— необъятный, густой... А там, далеко на юге, обширные необозримые поля и среди них богатые сёла и большие города.

И перед моими глазами встаёт вся моя страна, от края и до края, могучая и богатая страна, которую никому не сломить.

— Эй, штурман! О чём задумался? Как у нас с курсом? — прерывает мои мысли Водопьянов.

— Думаю всё о том же, о чём вы все думаете. А курс у нас самый правильный. Настоящий курс, какой должен быть у каждого патриота.

— Это ты верно говоришь. Курс наш самый правильный, и никакая сила не заставит нас свернуть, — и Водопьянов крепче сжал руками штурвал самолёта.

Из дремучих вологодских лесов мы выскочили на широкое, кажущееся безбрежным Рыбинское озеро. Над водным простором торчат похожие на маяки купола колоколен. Стаи уток поднимаются впереди самолёта. Одиноким паровой катер дымит трубой, и за кормой его вода рябит, и волны клином расходятся, ломая зеркальную поверхность.

Волга далеко справа от нас блестит узкой лентой, уходит в даль. Под нами уже московские леса, московская земля. Вот, вот ещё немного — и покажется она, родная...

Откуда-то снизу неожиданно вынырнул юркий истребитель и близко проскочил у нас под носом, качая крыльями. Глаза наши устремлялись вперед, истребитель мало нас занимал. Но что это? Впереди нас, наискось, он пустил длинную трассирующую очередь.

— Что за чорт! Что ему надо? — проворчал Водопьянов.

А истребитель вновь подходит и опять сигнализирует и режет нам путь.

— Приглашает следовать за собой, наверное хочет нас посадить, — горорит Пусэп.

— Куда посадить, кругом земля, слепой он, что ли, что не видит перед собой гидроплан? Куда я на лодке за ним сяду, на землю, что ли? — Водопьянова начинает раздражать поведение истребителя. Он открывает верхний люк над головой и вылезает по самые плечи наружу. Ветер треплет его густую седую шевелюру.

Истребитель сбавляет скорость, подстраивается к нам. Водопьянов рукой приглашает его ещё ближе подойти. Расстояние между самолётами всё более сокращается. И вот машина уже совсем близко, рядом. Можно человека в лицо узнать.

Водопьянов стучит пальцем по лбу, показывает рукой на истребитель и грозит кулаком. Истребитель смущённо улыбается, кивает головой: мол, «понял всё, обознался», и, показав нам рукой в сторону Москвы, отвалил и скрылся позади.

Последние минуты. Мы над Химкинским водохранилищем, местом нашей посадки. С соседнего аэродрома взлетают два истребителя и направляются в нашу сторону. Водопьянов выпустил поплавки, резко повёл машину на посадку, как бы говоря: теперь-то я без вашего приглашения сяду.

Истребители подошли, когда уже самолёт бежал по воде, покрутились над нами и пошли на посадку к себе на аэродром.

* * *

— Ну, ребята, вот мы и доехали, с чем вас всех и поздравляю, — сказал Водопьянов.

В легковой машине едем мы в город, а навстречу непрерывным потоком движутся военные машины, окрашенные в защитный цвет. У шлагбаума на переезде Окружной железной дороги задерживаемся, пропускаем воинские эшелоны.

Стройные ряды пехоты чётко отбивают шаг под звуки марша. Растянувшимися рядами с мешками за плечами идут вновь призванные, ещё не обмундированные...

Девушки в гражданском платье с белыми повязками и красными крестами на руках стараются итти в ногу, но часто сбиваются.

Чем ближе к центру, тем больше людей. В воздухе гремит песня:

Если завтра война, если враг нападет,
Если темная сила нагрянет,
Как один человек, весь советский народ
За свободную родину встанет.

Новыми глазами смотрели мы на Москву — Москву военную.

— Здравствуйте, здравствуйте. Что, на войну захотелось? Быстро же вы смотались! Я только сегодня отправил вам радиотелеграмму, чтобы вы оттуда вылетали, а вы уже здесь, — так встретил нас Папанин.

— А мы, Иван Дмитриевич, не сомневались в том, что вы нас вызовете, и поспешили, — ответил Водопьянов.

— Ну, докладывайте. Вы, говорят, там какой-то рекорд новый поставили? Так показывайте ваши рекорды.

Разложив на столе карты, мы подробно докладываем обо всём, что успели сделать в Арктике.

— Ладно, ребята, большое вам спасибо. Карта остаётся у меня, а вы идите домой, попрощайтесь с семьями и начинайте воевать. Желаю вам больших успехов!

Простившись с Папаниным, мы вышли на улицу.

— Вот что, ребята, — обратился к нам Водопьянов, — сегодня вы свободны, а завтра утром — ко мне.

Мы с Пусэпом жили в Доме полярника, в одной квартире. Возле дома заметно оживление, стоят несколько грузовиков, на которые грузятся домашняя утварь семей полярников. Один из администраторов, ведавший погрузкой, увидев нас, оживился.

— Вот и хорошо, что вы приехали, а то ваши жёны сидят на вещах, а грузиться не хотят. Так вы там дома готовьтесь, через час пришлю вам машину.

— Не надо присылать машину, — ответил я, — никуда наши жёны не поедут.

Оставив озадаченного администратора, мы поднялись к себе. В коридоре и в комнатах были навалены ящики, тюки, чемоданы и узлы.

— Вот хорошо, что ты приехал, — бросилась ко мне жена, — а то я совсем замучилась. Тебя нет, сама не знаю, что делать, а приказывают выезжать. Я уже и деньги на переезд получила.

— Никуда ты не уедешь, распаковывай вещи да готовь обед. Тебе и здесь работа найдётся.

— Ты-то будешь воевать, а вот что я буду делать?

— Будешь делать то, что весь народ делает. Иди сюда, смотри и слушай. Я открыл дверь на балкон. В комнату ворвалась песня.

И линкоры пойдут, и пехота пойдёт,

И помчатся лихие тачанки.

Как один человек, весь советский народ

За свободную родину встанет.

На следующее утро мы собрались у Водопьянова. Наш командир, как всегда, был немногословен.

— Нам с вами предложено изучить новый тяжёлый бомбардировщик дальнего действия. Летать придётся в основном ночью, на большой высоте и на дальние цели. Как скоро мы начнём на нём воевать, зависит целиком от нас самих, от того, как скоро мы его изучим и освоим. А по-сему времени терять зря нечего, получайте документы, сегодня же на самолёте улетаите на завод и приступайте к работе. Сам я закончу здесь некоторые дела и через пару дней тоже там буду.

В тот же день мы улетели на восток.

* * *

Завод работает день и ночь. Кругом стук, грохот, скрип и режущая слух дробь автоматической клепки.

В перерывах тысячные толпы рабочих собираются у репродукторов. Известия приходят всё более тревожные. Прослушав очередное сообщение, рабочие, уже сменившиеся, возвращаются снова на свои места, к своим станкам. Многие совсем домой не уходят, здесь и живут. Короткий отдых, два-три часа сна, и вновь у станка.

Помимо тяжёлых бомбардировщиков, завод выпускает и лёгкие бомбардировщики. Ежедневно на аэродром прибывают пассажирские самолёты. Из них выходят лётчики, штурманы и радисты. Через несколько часов они улетают на лёгких бомбардировщиках.

Однажды мимо нас проходила группа лётчиков, прибывшая за новыми самолётами. К одному из них обратился Водопьянов:

— Эй, лётчик, а ну, подойди поближе! Что-то мне твоё лицо знакомо. Где-то я тебя видел.

— Здравствуйте, Михаил Васильевич. На прошлой неделе на этом же самом месте получал

самолёт, — ответил молодой пилот с повязкой на голове.

— А теперь сюда зачем?

— Да опять же за самолётом.

— Так ты их, что же, перегоняешь?

— Да нет, пока что ещё сам летаю, воюю.

— Выходит, подбили тебя?

— Да, выходит, что так.

— А ты что?

— Стрелок мой сбил штуки четыре, а сам я за танками охочусь.

— А много у него танков?

— Вначале было много, прямо тучей шли.

— Что, реже стало?

— Так летаем же мы, бомбим их, вот и реже. Ну, я пошёл. До свидания, Михаил Васильевич.

— До свидания, дорогой. Желаю тебе успеха!

Охотник за танками ушёл к своему самолёту, и мы видели, как он по-хозяйски осмотрел его, по-пробовал рули, ручки, запустил моторы и, лихо взлетев, ушёл на запад сокращать число фашистских танков.

Каждый вновь выпущенный тяжёлый бомбардировщик проходит заводские лётные испытания, после чего самолёт сейчас же передают экипажу. С утра до позднего вечера лётный состав кропотливо изучает устройство своего воздушного корабля.

И все мы лелеем мысль, что характер правительственных сообщений будет изменяться в лучшую сторону, как только мы начнём работать на этих кораблях. На аэродроме формируется большое соединение ночных тяжёлых бомбардировщиков дальнего действия. Здесь собрались лучшие лётчики со всех концов Советского Союза: лётчики полярной авиации, Гражданского воздушного флота и Дальнего Юга, Сибири, Дальнего Во-

стока, международной линии, научно-исследовательских институтов, заводские испытатели, инструкторы авиационных школ.

Экипажи помогают заводским бригадам доводить самолёт, устанавливать вооружение. Работа спорится. Но время идёт. Война всё ближе и ближе. Эхо войны докатывается и до нашего города. В гостиницах, больницах и госпиталях много раненых. Тихо идут санитарные поезда на восток. С громкими и бодрыми песнями идут воинские эшелоны на запад.

В городе и на заводе полное затемнение. До нас доходят вести, что немцы совершают налёты на Москву. Сжав сердце, ждём своего часа.

Начались лётные тренировки. Самолёты один за другим взлетали и уходили в зону тренировочных полётов. Первые часы полётов на большой высоте. Земля кажется необычной, реки тоненькие, дороги как ниточки, горизонт теряется в дымке. Но скоро привыкаешь и к высоте, и к кислороду, и к новой машине с её сложными приборами и агрегатами.

Наконец-то сняты кожаные куртки и кепи разных цветов. На нас защитные гимнастёрки с голубыми петлицами, синие пилотки и сапоги.

Штурманам выданы лётные карты, и мы изучаем районы предполагаемых полётов. Точные цели нам ещё не указаны. Но на картах глаза тянутся к главной цели — к Берлину. Ведь не может быть, чтобы за столько времени ожидания нас не послали на самую главную цель.

Летний тёплый вечер. На зелёной траве, рядом с нашими большими самолетами, выстроился состав вновь сформированного полка. Полковник Лебедев зачитал приказ Наркома обороны о введении в строй нового полка и зачислении его в действующую армию. Весь полк завтра же дол-

жен вылететь на аэродром базирования. Поздравляя личный состав, полковник сказал:

— Мы долго и терпеливо занимались подготовкой кораблей и себя к этому часу. Теперь настало и наше время на своих боевых машинах помочь Красной Армии, помочь Родине. Чему здесь не доучились, доучимся на войне.

До самой темноты на самолётах шла работа. Грузили и укладывали запасное имущество, в последний раз проверяли всё до мелочей.

Под крыльями машин на пахучем сене отдыхали экипажи. Кто спал, кто шептался, а кто думал вслух.

4

НА ДРУГОЙ день мы были уже на одном из ленинградских аэродромов.

Нас собрали в штабе. К большой классной доске флаг-штурман прикалывает карту. Жирная чёрная линия тянется через материк, море, снова материк и упирается концом в Берлин. От Берлина чёрная линия уходит в море, делает несколько изгибов и возвращается к исходному пункту. Всё стало ясно — полёт намечен на Берлин.

Флагманский штурман подробно знакомит с планом полёта, курсом, высотой, временем и скоростью. Кто-то из лётчиков задал одному из присутствующих генералов вопрос: как быть с орденami и документами, оставить их здесь или можно брать с собой? Генерал ответил:

— Зачем оставлять? Завтра утром вы все будете здесь.

...У самолётов работа идёт к концу. Лётчики помогают ввернуть в бомбы взрыватели, штурманы заканчивают подготовку карт. Всё готово. Экипажи в лётном меховом тяжёлом обмундиро-

вании ожидают сигнала к вылету. Моторы запущены. Аэродром загудел, под струёй воздуха от винтов зашевелилась трава.

— Ну, ни пуха, ни пера! — говорит нам генерал и машет рукой в направлении взлёта.

Мы вылетаем первыми.

Прямой курс. Красное заходящее солнце. Чистый, прозрачный воздух. Беспредельная видимость. Под нами густые леса и тонкие нитки дорог. На горизонте светлеет море. На севере и западе ещё день, на востоке и юге сумерки.

Мы догоняем день, нас догоняет ночь.

Самолёт подымается всё выше и выше. Становится холодно, и, подтянув «молнии» комбинезонов, мы до конца застёгиваем меховые воротники, поближе к себе кладем меховые рукавицы.

Позади меня, за столиком с радиоаппаратурой, сидит невозмутимо спокойный радист Вася Богданов и отстукивает что-то на ключе: то ли руку тренирует, то ли донесение передаёт.

Наверху, как на чердаке, сидят наши пилоты — Водопьянов и Пусэп. И кажется, что вот мы, старые полярники, летим в море на очередную ледовую разведку. И только большие бомбы, висящие близко от нас, напоминают, что летим мы на смертный бой с ненавистным врагом.

После установления нормального режима полёта на корабле стало совсем тихо. Даже шума моторов не замечаешь. Высота полёта всё больше и больше. Голова начинает кружиться, в ушах шум. Никак не пойму, отчего это. И, только посмотрев на радиста и борттехника, догадываюсь, в чём дело; надел кислородную маску, включил кислород и сразу почувствовал облегчение.

Солнце село. В кабине темнеет. Рассматривать карту и вести бортжурнал можно уже только у

окна со стороны зари. Скоро будет совсем темно, и я спешу закончить, пока ещё возможно, все свои расчёты. Сколько бы штурман ни готовился на земле к полёту, в воздухе у него всегда ещё найдутся недоделки.

По прогнозу скоро должны быть облака. Уточнил курс и место. Где-то впереди по нашему маршруту немцы вбили клин и вышли к берегу моря.

— Лётчики! Смотрите за землёй. Вон у того мыска немцы. Если начнут стрелять, отворачивайте вправо, на море.

— Ладно, отвернём! — ответил Водопьянов. — Стрелки! Внимательно следите за воздухом, могут быть вражеские истребители. Держать оружие готовым!

— Есть, смотреть за воздухом, товарищ командир, — отвечают почти хором пять молодых голосов.

Первым поднял тревогу носовой стрелок, которому лучше всех видно, что делается впереди.

— По нас здорово стреляют!

— Вижу, — ответил Водопьянов и повернул корабль вправо.

С земли нёсся такой жестокий огонь, что мы еле успели унести от него наши крылья.

— Алло, Богданов! Срочно давай радиogramму всем кораблям, что впереди по курсу опасность, обходить вправо.

— Есть, даю! — ответил радист и заработал ключом.

— Зенитки уже нас не достают, — докладывает кормовой стрелок.

— А как там наши корабли, видны? — спросил Водопьянов у кормового стрелка.

— Видны. Отвернули от зениток, следуют за нами.

— Ну и хорошо. Первое крещение прошло благополучно, — сказал Водопьянов.

Даю команду:

— Лётчики, ложитесь на старый курс, теперь уже до самой цели никто не будет беспокоить, — и начинаю перерасчёты, вызванные обходом зениток.

Стемнело. Появилась половинка луны, обещающая скудно осветить мою кабину и местность под самолётом. Неожиданно поползли под самолётом плотные, ровные облака и скрыли от нас земной шар, с его лесами, морями и всеми зенитками. С одной стороны, хорошо — нас никто не увидит. Зато с маршрутом усложнилось — мы перестали видеть. Одно другого стоит — обижаться не следует.

Компас устойчиво показывает нужное направление. Расчёты все верны, сомнений нет. Изредка смотрю в окно: не мелькнёт ли в облачных разрывах огонёк. В самолёте тишина, и кажется, что только моторы бодрствуют, а люди обрели покой. Но это только кажется. Один из пилотов, не отрывая глаз от компаса и приборов, ведёт машину. Другой, мучительно преодолевая усталость, следит за воздухом. Радист, лицо которого освещено лампами радиостанции, стучит на ключе, пишет в журнале. Пять стрелков-сержантов неустанно наблюдают за воздухом, держа руки на своём оружии. Только борттехники клюют носом у ярко освещённого приборного щитка, им делать нечего — моторы урчат ровно.

«Эй, штурман, не ленись, работай, — подгоняю я себя, — на облака не смотри, на них ничего не увидишь. Ну, давай, шевелись. Думай. Изобретай. Скоро поворачивать надо».

Высота шесть тысяч метров, мороз тридцать градусов, а штурман голыми руками измеряет

секстантом высоту звезды, и ему не холодно. С кислородной маской на лице, со шлангом и шнуром, изогнувшись на мостике, он ловит в стёклышко секстанта бледную маленькую звёздочку, и ему кажется, что всё хорошо и что даже работать удобно.

От астрономических расчётов штурман переходит к ориентировке по радиокompасу, крутит ручки, записывает в журнале, прокладывает на карте. По кораблю несётся команда:

— Лётчики, меняем курс, лево руля шестьдесят градусов. Так держать.

И на корабле возникает некоторое оживление. Пилоты переговариваются насчёт режима набора высоты, проснувшиеся борттехники спрашивают у радиста новости; носовой стрелок меняет положение и, обернувшись к штурману, улыбается — дескать, всё у него в порядке; штурман ему показывает большой палец, и это видят борттехники и радист, которые тоже улыбаются и, бодрые, весёлые, принимаются за свою работу.

Луна поднимается всё выше, и на облаках серебрится лунная дорожка. Теперь уже света достаточно для работы с картой и бортжурналом у окна.

Самолёт идёт на большой высоте, выше облаков. Земля не видна, и работы у штурмана становится больше. Всё чаще вращаются ручки радиополукомпаса, всё чаще штурман тащит за собой кислородный шланг и переговорные шнуры на мостик к иллюминатору, секстантом измеряет высоту звёзд. Радист сообщает штурману полученные им с земли радиопеленги, их надо проложить на карте, сравнить со своими расчётами и, взяв среднее, поставить на карте крестик, а затем записать в бортжурнал место, время, погоду, курс и высоту.

Работы так много, что мороз не чувствуется, усталости как не бывало. Надо ещё сообщить лётчикам, и так, чтобы слышал весь экипаж, что у штурмана с расчётами всё в порядке. Экипаж любит, когда в сложных, новых условиях кто-то время от времени говорит, что в работе кэрабля всё идёт нормально.

Неожиданно и в неположном по прогнозу месте оборвались облака. Засеребрилось лунным светом море. Оно было спокойно, и только лёгкая рябь переливалась на лунной дорожке, — которая уходила влево от нас и постепенно расплывалась в ночной дали.

Справа по нашему курсу потянулась узкая тёмная полоска; она скорей угадывается, чем просматривается. Она должна быть там, и воображение заставляет глаза видеть её. Редкие далёкие огоньки на тёмной полоске подтверждают моё предположение. Это береговая черта, параллельно ей проходит линия нашего маршрута.

Совсем легко стало на сердце. Место уточнено, и теперь до самой цели путь ясен, и время прихода на цель рассчитано с точностью до минуты.

Береговая черта справа от нас теряется, отмечаю это время. Передаю команду пилотам:

— Лётчики. Набирайте понемногу высоту. Теперь он у нас в руках и никуда не денется.

— Кто это он?

— Да всё тот же — Берлин.

Пилоты интересуются временем прихода на цель и нашим местом.

Отвечаю им:

— Волны морские хорошо луной отражаются, и я вижу их, посмотрите внимательно.

Не знаю, увидели ли пилоты отражение луны на морской волне, но меня они на некоторое время оставили в покое.

Лунный след оборвался. Мы вышли на берег. Под нами Германия. Земля тёмная, тёмная, и на ней, как в глубоком колодце, ничего не видно.

Напряжение нарастает. На корабле полное молчание. Экипаж чувствует, что вот-вот начнётся. Но как оно начнётся — никто не знает. Нужно что-то сказать, нужно разрядить напряжение. Мне казалось, что я только подумал, но весь экипаж услышал: «Стрельнул бы кто-нибудь или прожектор зажгли бы». И вдруг снизу взлетело море огня. По небу зашарили прожекторы. Яркие красные вспышки густо засверкали на земле, вокруг всё закипело, что-то треснуло, самолёт подбросило.

— Штурман, под нами Берлин. Бросай бомбы, — проговорил Водопьянов.

— Какой там Берлин. На Штеттин напоролись! — ответил зло штурман, ругая себя за такую оплошность.

— Куда отвернуть? Собыют ведь, сволочи!

— Теперь уже поздно отворачивать. Держите прямой курс, можете маневрировать по скорости и высоте.

Откуда-то потянуло дымом, дышать стало невозможно.

— Четвёртый мотор вышел из строя, — доложил борттехник, — наверное подбит зениткой. Выключаю четвёртый мотор.

В самолёте стало светлее, чем днём. Несколько прожекторов уперлось снизу и долго провожало, ослепляя экипаж.

— Пусэп, держи машину, я ни черта не вижу, — сказал Водопьянов, — да смотри только на приборы. Алло, Пусэп, взял управление?

— Взял, Михаил Васильевич. Держу крепко и смотрю только на приборы, но почему-то машину

разворачивает вправо, и мне тяжело на левую ногу, — ответил Пусэп.

— Алло, радист Богданов. Ваше дело работать, а не фейерверками любоваться. Передайте кораблям, идущим сзади, что напоролись на Штеттин, а то ещё с Берлином спутают да начнут бомбить.

Кто-то высказал сомнение, дойдём ли до Берлина на трёх моторах и не лучше ли отбомбиться по Штеттину.

— Нам бомбить можно только Берлин, — сказал штурман. — Сзади нас идут корабли и будут бомбить там, где отбомбимся мы.

— Ничего, дойдём до Берлина, — добавил Водопьянов.

И голос его прозвучал так уверенно, что ни у кого не осталось сомнения, что до Берлина дойдём.

Прожекторы и зенитки остались позади. Снова чёрная, непроглядная темень.

Борттехники проверили состояние корабля после обстрела и докладывают командиру:

— Один мотор выведен из строя большим осколком, а остальное всё в порядке, не считая нескольких сквозных дырок в плоскости.

— Ну, хорошо, сбавьте немного правому мотору, а то Пусэп жалуется, что машину разворачивает. Алло, штурман; сколько ещё осталось до цели?

— Семь минут.

Последние минуты тянутся томительно долго. Кто-то, вздыхая, шепчет: «Скорей бы кончать», а кто-то другой так же тихо произносит: «Прожектор бы зажгли или стрельнул бы кто-нибудь». Водопьянов в ответ бурчит:

— Я тебе стрельну, раз уже напросились, хорошо ещё, что дешево отделались.

— Внимание, подходим к цели! Открываю люки.

Машина вздрогнула — люки открылись, и по самолёту прошёл ветер.

— Удивительно, почему не стреляют? — говорит Водопьянов.

— А это у них такая тактика, сейчас расшевелим, заставим стрелять и тактику менять.

Бросаю пока одну фугаску и одну осветительную.

— Товарищ штурман, — кричит кормовой стрелок, — Берлин под нами, хорошо вижу.

Нажимаю кнопку. Бомбы одна за другой отваливаются и летят вниз. Самолёт чуть вздрагивает. Вспыхнули в разных местах прожекторы, слились вместе и осветили машину. Разрывов бомб не видно. Вокруг нас засверкало, засвистело, застреляло.

Подаю команду:

— Разворот влево на девяносто градусов.

— Не могу влево, — отвечает Пусэп, — машина влево не разворачивается.

— Тогда вправо разворачивай, маневрируй, уходи из зоны огня.

Пахнет порохом и гарью. Машину бросает, осколки стучат по ней, как по барабану.

— Ну, кажется, на этот раз попали? — говорит Пусэп.

— Ничего, ничего, — отвечает Водопьянов. — Ты вот туда немножечко правее доверни, там меньше стреляют. Вот так. Так, хорошо. Так и держи, да по сторонам не смотри, а то ослепнешь. Борттехники! Процедьте правую плоскость. Оттуда что-то дымом тянет.

— Товарищ командир, на месте наших бомб три больших пожара, — докладывает кормовой стрелок. — Сейчас ещё кто-то бомбит.

Прожекторы и зенитки оставили нас и вцепились в следующий за нами самолёт.

— Ну, теперь там пойдёт работа! — говорит Водопьянов. — А нам надо думать о земле. Борттехники, как там у вас дела, всё ли в порядке?

— Дырок, Михаил Васильевич, много. Агрегаты целы. Вот только в правой плоскости самый большой бак с горючим пробил. Всё горючее вытекло. Я его перекрыл, чтобы горючее из других баков не вытекало.

— Сколько же у нас теперь осталось горючего?

— Максимум на четыре часа.

— Маловато. А лететь нам домой пять часов с лишним. Штурман, ты слышишь, что получается?

— Слышу, Михаил Васильевич. Будем лететь по прямой, сокращать расстояние. Полчаса сэкономим, а там дальше видно будет, что делать.

Самолёт лёг на новый курс, а стрелки ещё долго докладывали, что наши самолёты бомбят Берлин.

Берлинская тревога разнеслась по всей Германии, и теперь на нашем пути до самого моря часто появлялись прожекторы и возле нас рвались снаряды. Однако всё это по сравнению с Берлином было настолько жидковато, что самолёт с курса не сворачивал и только штурман в журнале отмечал, что в таком-то пункте прожекторов десять, зениток двадцать, а где было меньше, и во все не записывал.

Вот и песчаный берег сереет. Последний снаряд разорвался где-то сбоку, погасли прожекторы. И снова мы одни, снова под нами море с лунной дорожкой. Напряжение прошло. Борттехники отдыхают, пилоты сменяются на вахте — по очереди будут спать. Ежатся стрелки-пулемётчики. Им только теперь становится холодно и хочется спать. Но спать они не будут — они на бессменной вахте.

— Радист, сообщай на землю результаты бомбёжки. Запрашивай пеленг, а я пока что займусь Полярной звездой.

Мысленно подаю себе команду: «Штурман, не зевай. Работай. Горючего мало. Экономь время. Веди самолёт по прямой».

— Лётчики, курс держать поточнее, в курсе наша жизнь. Влево немножко, ещё влево. Так держать.

Эх, жизнь, до чего же ты хороша! Особенно вот сейчас. Ночь светла и тиха, и блестит на воде луна. Вот и рифма. Так. А теперь пустим в ход тяжёлую артиллерию — радионавигацию. Выводи воздушных путников домой.

Стрелка прибора запрыгала и стала на месте. Ну вот и хорошо, всё идёт отлично. Идём прямо на станцию, а там рядом и наш аэродром.

Три мотора дружно тянут облегчённую машину. Винт четвёртого, мёртвого мотора бесшумно вращается за счёт энергии своих трёх товарищей, создавая лишнее сопротивление. Разбитый мотор в чёрных масляных пятнах. Масло вытекает из него, пузырится и тёмными, грязными дорожками бежит на плоскости и распыляется в воздухе. В плоскостях полный беспорядок: рваные дыры всех форм и размеров. Масло из разбитого мотора смешалось с керосином и лужами перекачивается внутри крыла. Эта смесь попадает на горячие части мотора, кипит, шипит и угарным дымом расходуется по всему самолёту. Дым идёт кверху. Пилоты сидят выше всех, и достаётся им поэтому больше всех. Головы у них тяжелеют, наливаются свинцом. Добавлена подача кислорода, но его надолго нехватит. Свободный от вахты пилот спускается вниз, насколько позволяет кислородный шланг. Лётчикам становится всё труднее дышать, смотреть и править самолётом.

Вышел весь кислород. Лётчики ведут машину со снижением. Море приблизилось к нам. Тихая ночь, тихое море. И мы одни на своём большом корабле. До чего же всё это красиво, и эх... как хочется скорей дотянуться домой и поспать на зелёной, мягкой траве под крылом самолёта.

Стрелка радиокompаса задёргалась и свалилась к одной стороне. Проверяю, в чём дело. Оказывается, какой-то хищник залез на волну моей станции и мешает вести самолёт по радио. Ну, ничего, обождём немного. Подойдём ближе, и там уж никакая фашистская собака нам не помешает. А сейчас, пока видны звёзды, будем мерить их высоту. До чего же умный был человек, придумавший секстант! Пускай кто-нибудь попробует помешать мне пользоваться звёздами!

Вот и море кончилось. Под нами длинная, узкая, серая песчаная коса, а за ней чёрная, чёрная земля. Как-то эта земля нас встретит? Ну, так и есть! Вспыхнул прожектор, и опять всё кругом засверкало.

— Лётчики, если будете отворачивать, то только влево.

— Никуда я не отверну, — ответил Пусэп, — я и так машину с трудом удерживаю на курсе. Не пойму, что с ней случилось, рули, что ли, где повреждены? А стреляют здесь жидковато!

— Отверни хоть немного от этого прожектора. Стал на дороге и стоит, как свеча.

— Ничего, проскочим, да он и сам отвернёт. Не всё же он будет так стоять. Вот и отвернул, видишь?

— Штурман, впереди облака. Как будем итти: вверх, вниз или прямо?

— Как хотите, только курс держите получше, а для меня всё равно, что внизу, что вверх.

И самолёт зарылся в густые облака, надёжно спрятавшие нас от всех нехороших глаз.

Темно стало и в самолёте и в воздухе. Концов плоскостей не видно. Самолёт как бы под душем. Внутри ручьями льётся дождевая вода, забирается за воротник, течёт по спине. Карты и журналы намокли. Борттехники чего-то завозились у себя и зажгли яркий свет, ослепивший лётчиков. Приборов не стало видно. Машина потеряла прямолинейное движение. Пилот кричит техникам, чтобы те выключили свои огни, а техники не слышат — у них выключены телефоны. Меня прижимает к борту. Высота быстро падает, скорость растёт. Мы вываливаемся из облаков со свистом, как-то боком.

Пилот выравнивает машину. Борттехники, поняв, наконец, что от них требуется, выключили свет.

Земля снова встретила нас зенитками и прожекторами. Пилот лезет в облака. Но курс — боже мой! Какой это был курс! Только что мы летели домой, а сейчас компас показывает обратный путь. Что-то у лётчиков происходит неладное. Требую держать курс.

Не успели установить машину, как у пилота сама по себе зажглась сигнальная лампочка и ослепила его. Приборов снова не стало видно, и мы снова вывалились из облаков. Пока радист дотянулся до пилотского щитка и вывернул злополучную лампочку, самолёт уже был под облаками на высоте полторы тысячи метров. Тут Водопьянов предложил держать машину на этой высоте, в облака не залезать, а если будут стрелять — чорт с ними, пускай стреляют — не попадут.

Пока возились в облаках, мы и не заметили, что уже почти совсем рассвело. Земля хорошо

просматривается. На редких дорогах заметно большое движение — немецкие войска направляются в сторону Ленинграда. Где-то ещё впереди линия фронта, нам бы до неё дотянуться!

Пошёл дождь. Земля как сквозь сетку виднеется. Стало немного легче: перестали беспокоить зенитки.

Справа от нас большое озеро. Отмечаю на карте. По маршруту идём хорошо. Только бы горючего хватило дотянуть.

— Штурман, сколько осталось лететь? — спросил Водопьянов.

— Сорок минут, Михаил Васильевич.

— Сколько горючего осталось в баках?

— На пятнадцать минут, не больше.

— Да. Дела неважные! Ты там, штурман, смотри хорошо на землю и замечай, что к чему. Как бы нам к немцам в лапы не угодить.

— Есть, смотреть! В лапы немцам не угодить!

Идём по северному берегу Чудского озера. Здесь много дорог, и все они забиты немецкими войсками. А вот, наконец, и линия фронта. Внизу под нами клубы дыма, выстрелы, взрывы, земля взлетает кверху. Идём низко, но никто не беспокоит — видно, на земле не до нас, да и не слышно наших моторов из-за сильной канонады.

Но что это? Мы хорошо слышим артиллерийскую канонаду и резкий стук пулемётов. Одна секунда, и сразу стало всё ясно; горючее кончилось, баки пусты и моторы стали.

— Михаил Васильевич, куда будем садиться? — спросил Пусэп.

— Ладно, Эндель, брось штурвал, сам посажу.

Под нами леса, озёра и немцы. Выбор для посадки ограниченный.

— Экипажу уйти в хвост, — скомандовал Водопьянов и направил самолёт в густой лес.

А дальше удар, и страшный...

— Ну, вот и прилетели, — раздался в наступившей тишине спокойный голос Водопьянова. — И, кажется, неплохо сели. Ну как, все живы?

— Все живы и невредимы! — отозвались хором с хвоста.

— Посадка хорошая, мягкая, даже лучше, — добавляю я, — чем на аэродроме.

У разбитой машины собрался весь экипаж.

— Вот так штука, — говорит Водопьянов, — летели-то вроде и людей в самолёте не видно было, а теперь собрались в кучу, выходит нас целый отряд. Ну, если сюда добрались, то отсюда как-нибудь тоже выберемся. Докладывай, штурман, обстановку.

— Вот здесь мы находимся, а вот сюда, левее, немцы клином вдались до самого берега, откуда они по нас вчера вечером и вели огонь, а вот сюда, справа, движется второй немецкий клин. Таким образом, нам один путь — на север, к заливу, а там, по всей вероятности, встретим свои части и уже с их помощью будем выбираться дальше домой.

— Ладно. Машину сжечь, — распорядился командир, — а самим взять необходимое и выбираться отсюда поскорее, пока эти собаки не нагрянули. Быстро тащите сухие ветки, разжигайте костёр и облейте самолёт маслом.

Чёрный густой дым окутал самолёт.

Мы шли гуськом. Впереди с компасом в руке, держа прямой курс на север, штурман. За ним цепочкой остальные, замыкал шествие командир самолёта.

Вчера в это время с дальнего аэродрома мы поднялись на самолёте. Потом ленинградский

аэродром, жаркий день. Потом ночь, длинная, как год, прожекторы, зенитки, взрывы бомб, угарный дым в самолёте.

Когда всё это было?

Когда же мы спали в последний раз? Давно, очень давно! А спать нисколько не хочется. Можно ещё сутки, двое, трое, сколько угодно не спать и вот так шагать. И ноги не болят и усталости нет никакой. Дождь не мешает, с ним даже лучше — расстёгивай гимнастёрку, подставляй грудь и шею тёплому, нет, горячему дождю. Ветки хлещут, брызги летят, ноги вязнут. Ничего!

Ветки раздвигай грудью, раз руки не слушаются! Ногу вытягивай сильнее из болота и шагай только прямо, только прямо — так надо маленькой стрелочке на компасе.

В лесу, в густой траве под ногами бегают выводки молодых тетеревов и куропаток. Вот они совсем близко, рядом. Но нет — нельзя задерживаться ни на минуту.

Путь пересекла поляна. На поляне хутор. Дымится пожарище. Одинокое торчат печные трубы во дворе, обгорелые и исковерканные сельскохозяйственные машины.

Снова лес. Колючие ветки, брызги. Полдень, а всё так же серо, и дождь моросит, как из густого сита. Прямая далёкая лесная просека идёт по стрелке компаса. А вот и море в конце просеки. Ноги сами несут. Скорей, вот оно, наше голубое море, вот за этими ветками. Нет, ошибка, не за этими, а вот за теми, немножко дальше. Ну, ещё немного усилий, вот оно уже совсем близко, видна даже рябь на нём.

— Товарищ штурман, — шепчет сзади стрелок, — это не море, это от дождя кажется. Я сам вна-

чале думал, что море, и бежал за вами. Скажите, далеко ещё до моря?

— Близко, совсем мало осталось. Только не надо останавливаться, а то тогда не дойдём. До моря надо идти непременно сегодня.

Где-то бухает. То ли артиллерия, то ли авиабомбы? В какой стороне — в лесу не поймёшь. Прогудел самолёт. Мотор с завыванием — фашист! Наверное, он же и бомбы бросил. Снова тихо. Только шум дождя да чваканье наших размокших меховых сапог.

Через десять часов непрерывного шагания лесная просека привела нас к железной дороге на берегу моря. На станции наши войсковые части. Вид у нас был такой, что при нашем появлении бойцы взяли за оружие. Но вскоре всё уладилось.

В сторону Ленинграда уходила автоброневая колонна. С ней мы и пошли. Говорили, что этой колонне приходилось по дороге прорываться с боем. Не знаю, не видел, не слышал — на мягком сене в одной из машин мы всю дорогу спали мертвым сном.

К утру мы уже были дома. Оказалось, что полк наш перебазировался под Москву. На аэродроме оставался один лишь полковник Лебедев, специально нас поджидавший. Тотчас же мы вместе с ним вылетели.)

На подмосковном аэродроме, прощаясь с нами, полковник Лебедев сказал:

— Ну вот, денька три отдохните и отправляйтесь на завод за новой машиной. Экипаж у вас хороший, опыт уже есть, и дело у вас должно пойти хорошо. Идите, найдите своих жен, они где-то здесь работают, да приведите себя в порядок, а то вас, пожалуй, и жены не узнают.

Ночью при первых же звуках сирены наши жёны настойчиво тянут нас в лес и с таким знанием объясняют, как опасно оставаться в комнате, что переспорить невозможно.

Тихая августовская ночь. Полная луна высоко в небе бросает тени на лесную поляну. В беспорядке разбросанные лёгкие белые облака неподвижно висят в небе. В сторону Москвы небо сверкает тысячами белых и красных разрывов зенитных снарядов. Сотни прожекторов рыскают — скрещиваются, расходятся, гаснут, опять вспыхивают. Ухают дальние взрывы. Огневая завеса разрывов и прожекторов перемещается по небу всё ближе к нам. Всё ближе и громче стрельба и разрывы снарядов. В звук канонады вклинивается завывающий звук мотора. Вспыхивают прожекторы. С крыши нашего дома начинают стрелять. С рёвом взлетают ночные истребители. Где-то близко ухает бомба. Листья густо падают с деревьев. Все звуки слились воедино. Жена дрожит и тянет меня в укрытие. Мы же с Пусэпом определяем тип самолёта и на какой высоте он летит. Звуки моторов удаляются, а вслед за ними уходит огневой вал разрывов и лучи прожекторов. Снова наступает тишина.

Ночь такая тёплая, такая светлая, что всё скоро забывается. Спать не хочется.

Мы сидим на мягкой траве под курчавой берёзой. Говорим о красоте природы, о юности, о том, что хорошо быть вместе. Мы говорим, что борьба будет жестокая и что в этой борьбе жалеть себя нельзя. Добившись от жены обещания больше не бояться воздушных тревог, мы уходим в комнату, залитую лунным светом. В открытое окно тянутся душистые зелёные ветки.

НЕ ВЫДЕРЖАВ и трёх положенных для отдыха дней, мы ранним утром улетели на завод получать новый самолёт. Пролетаем над лесами, и кажется нам, что вот в таком примерно месте мы посадили свой самолёт. Никто из нас не может забыть потери. Каждый чувствует свою вину, а я особенно. Вот только бы получить машину, её-то уже мы будем беречь.

Завод работает попрежнему день и ночь. Всё чаще и чаще открываются большие ворота, и готовые самолёты выкатываются на лётное поле.

У нас все начинается сначала — приёмка самолёта, снаряжение, облёт. Уходим мы с лётного поля лишь к ночи, приходим спозаранку — стараемся не терять ни одной минуты. В один из таких страдных дней на заводской аэродром спустился четырёхмоторный бомбардировщик нашего полка. Экипаж был нам хорошо знаком. От него мы узнали много нового о работе наших товарищей. Каждую ночь вылетают все самолёты бомбить танковые колонны и железнодорожные узлы противника. Прилетевший экипаж бомбил танковую колонну на шоссе. Высота была небольшая, у самолёта оказался подбитым один мотор и несколько осколков попало в крылья и фюзеляж. Чтобы не терять зря времени, экипаж решил возвращаться не на свой аэродром, а прямо на завод для ремонта. На трёх моторах, с горючим на пределе самолёт дотянул до завода. В тот же день бригада рабочих полностью залечила машину. Вечером боевой самолёт улетел бомбить немецкие танки.

Да, для того чтобы остановить немцев, нужно много самолётов, нужно много летать и бомбить, бомбить, без конца бомбить. Работали мы много,

но прилёт раненого бомбардировщика напомнил нам ещё раз о том, что время не ждёт. У нас нашлись силы, мы стали работать ещё больше, урезая и без того короткий отдых.

...Аэродром, куда мы прибыли с завода на новом самолёте для постоянной базировки, совсем не был похож на аэродром. Только стартовые сигналы, выложенные на поле, указывали, что это есть наш аэродром. После посадки самолёт бежал по неровному, бугристому полю, сильно подпрыгивая при сильных толчках. Водопьянов предупредил, чтобы мы берегли языки.

— Ну, и аэродром, пара посадок — и можно ещё и без печёнок остаться. Посмотрите, куда рулить. Ни черта не пойму.

— Рулите, Михаил Васильевич, вон туда, к тому леску, там машут нам белым флагом.

— Ладно, теперь и сам вижу.

Самолёт подрулил к лесу и остановился. Подошёл трактор, зацепил за хвост и потащил в лес. На машину тотчас набросили зелёную сетку. В этом лесу, окаймлявшем лётное поле, стояли замаскированные все наши самолёты.

Мы влились в свою боевую семью. На счету нашего полка уже были сотни тонн сброшенных бомб.

Один за другим улетали наши корабли на север, на другой, хорошо оборудованный аэродром, где, зарядившись горючим и бомбами, ночью уходили бомбить врага.

— А почему нас не посылают?

— Ничего, ребята, больше ждали, а сутки уж как-нибудь потерпите. Сегодня осмотрим ваш корабль. Завтра полетаете на нём здесь, а к вечеру можете отправляться на боевой аэродром, — успокаивал нас командир полка.

С рассветом следующего дня наши корабли вернулись с боевого полёта — бомбили железнодорожные узлы. Лётчики на рассказы были скупы — для них война уже стала привычным делом.

После облёта и проверки самолёт был зачислен в число боевых, и в тот же день мы вместе со всеми вылетели на аэродром подскока, с которого ночью должны будем лететь на боевое задание.

Это был большой, ровный аэродром, на котором и садиться спокойно, и взлетать можно с большой нагрузкой, не рискуя остаться без печёнки. Здесь было много самолётов разных типов, но в основном ночные бомбардировщики.

Задолго до срока вылета вышли мы к самолёту. Невероятным казалось в такую тёмную ночь не только найти цель — самый взлёт и полёт казались невозможными. Но постепенно глаза привыкли к темноте. На аэродроме сплошной гул работающих моторов. В разных концах сверкают разноцветные огни бортовых сигналов и глушителей моторов. Здесь одновременно идёт и взлёт самолётов, уходящих с бомбами на запад, и посадка вернувшихся с боевого полёта. Стартовые огни сверкают двумя полосами через весь аэродром. На короткое время зажигается прожектор. В его свете садится самолёт, сверкая серебром крыльев, отруливает в сторону и скрывается в темноте.

6

МЕРЦАЯ бортовыми огнями с фиолетовыми огоньками от глушителей, выруливают на старт наши гиганты и, скрываясь в темноте, уходят на запад...

Выруливаем на старт и мы. Нам надлежало разбомбить крупный железнодорожный узел. Са-

молёт бежит по ровному полю меж двух рядов огней. Незаметный отрыв от земли. Слева мелькают красные лампы на высоких мачтах, и вот уже со всех сторон только чёрный мрак.

На секунду представилась мне Арктика летом, в полярный светлый день. Прозрачный воздух, видимость беспредельная... А мы там чего-то суеились, волновались, переживали и считали некоторые полёты сложными и трудными. Какой чудесной прогулкой покажутся нам после войны полёты над Арктикой!

— Да, темновато, — нарушил молчание Водопьянов. — Алло, штурман, ты что-нибудь видишь?

— Вижу хорошо, как винты вращаются, а больше ничего не вижу.

В кабинках потушены все огни, но фосфор на приборах так ярко светится, что, кажется, он мешает видеть землю. Внизу какие-то пятна — ничего определённого, а ведь надо видеть не тени, надо хорошо видеть, что на земле находится.

Ну, шире глаза! Смотреть в одну точку. Ничего не получается. Поступим иначе, закроем глаза, зажмём крепко веки. Теперь откроем — кое-что уже видно. Вот дорога. Вот лес, деревня, речушка. Теперь всё в порядке.

На востоке поднимается тяжёлый тонкий серп луны. Постепенно становится светлее.

По серебристой лунной дорожке на зеркальной поверхности узнаём Московское море. Узкой лентой, блеснувшей слева от нас, окаймляет Волга Калинин. Чернеют мосты, перекинутые через реку.

За первый час полёта с обстановкой свыклись. Ночь кажется не такой уж тёмной. Погода

отличная. Настроение приподнятое. Похоже на то, что успех полёта обеспечен.

От излучины Волги меняем курс. Впереди сотни километров однообразной местности без крупных ориентиров. Будут маленькие речки, просёлочные дороги, сёла, деревни. Но разве их увидишь ночью с большой высоты? Нет, я на них и не рассчитываю, все расчёты строю на железную дорогу и автостраду, которые должны привести нас к цели.

Только бы хорошая погода, вот такая, как сейчас, удержалась до конца нашего маршрута!

Но нам не повезло — погода всё-таки испортилась.

Вначале появились отдельные облака. Затем они стали сгущаться, и вскоре только изредка сквозь разрывы облаков мелькала тёмносерая полоса земли. На облаках появились большие ярко-красные пятна — отсветы пожаров. На земле шла война.

Скоро должна быть дорога, от которой надо поворачивать на новый курс. Но из-за этих облаков не то что дороги — и цели не увидишь.

Прошу пилотов снижаться. Самолёт зарылся в облака. Иней покрыл стёкла кабины.

На высоте 2000 метров выскочили из густого облака, на секунду под нами блеснула наезженная шоссейная дорога и скрылась. Мы снова попали в облака. Спиралью спускаемся вниз и никак не можем найти дорогу, а она ведь где-то здесь, рядом, под нами.

Высота 1000 метров, отдельные облака ниже нас.

Но где же эта чортова дорога?

Привлекаю весь экипаж на помощь себе искать дорогу.

За штурвалом наш новый пилот Мосалев. Маленького роста, он кажется ещё меньше на нашей громадине. Вслепую, спиралью ведёт он машину так, что я, стоя в кабине, не ощущаю эволюций самолёта.

— Алло, Мосалев! Давай виражи ещё ниже!

— Виражу, — отвечает он.

— Какое там «виражу», когда я не чувствую.

— А это потому, что правильный вираж. Вот сейчас смотри и держись, сделаю неправильный.

Я не успел удержаться, меня сильно бросило на сиденье к левому борту, и я крикнул:

— Довольно неправильных виражей, я уже почувствовал...

Высота 700 метров. Весь экипаж ищет со мной утерянную дорогу. Водопьянов, перегнувшись через борт, кричит Мосалеву:

— Больше вираж! Ещё ниже!

Кто-то громко крикнул:

— Вот она, дорога, справа под облаками!

Снизившись до 600 метров, мы на этот раз крепко прицепились к дороге и пошли вдоль неё, к цели. Вспыхнул прожектор, и луч его упёрся в самолёт. Близко прошла цепочка трассирующих пуль. Бросаем светящиеся бомбы и отворачиваем в сторону от огневой трассы и прожектора.

Под нами город и железнодорожный узел, освещённый светящимися бомбами, — цель нашего полёта. Отошли подальше и, ориентируясь на прожектор, не теряя из виду дороги, идём к цели.

Машина вздрогнула — открылись бомболюки. Прожектор слепит глаза. Пулемётная очередь проходит близко, совсем рядом с самолётом. Закрывшись рукой от прожектора, лёжа на животе, кричу:

— Правее, больше вправо! Так держать!

Дорога расширяется. Появляются станционные постройки, вот и весь узел. Поймав в прицел станцию, быстро дёргаю несколько раз за ручку. Самолёт снова вздрагивает — бомбы ушли вниз, и через несколько секунд, брызнув яркокрасным огнём, одна за другой разорвались на путях, среди эшелонов. Последняя разорвалась рядом с прожектором и пулемётом. Прожектор погас, и пулемёт замолчал.

Взрывы бомб встряхнули машину. Самолёт взмыл кверху, залез в облака и по старому пути пошёл домой.

Я вытер вспотевший лоб, закрыл бомболюки и записал в журнал время и высоту бомбометания.

Экипаж долго не мог успокоиться. Все наперебой говорили о том, как хорошо отбомбились и как хорошо сделали, что снизились.

На высоте 7000 метров вышли за облака и поверх них продолжали полёт на восток.

Радиокомпас безошибочно указывал верность взятого курса.

На востоке горизонт алел и зарёй разгорался. Облака оборвались. Под самолётом прошло Московское море, с редкими клочьями утреннего тумана. Отсюда полёт со снижением высоты. Яркое солнце морозного утра брызнуло белым огнём и залило светом землю.

В разных местах от нас стали видны чёрные точки, большие и малые, близкие и далёкие. Это были наши самолёты, возвращавшиеся с боевого задания.

После шестичасового полёта мы снижаемся на своём аэродроме. Вслед за нами садятся другие самолёты.

Утренняя тишина когда-то глухого, далёкого и тихого лесного уголка нарушается гулом мощных

моторов. В воздухе тучей стоит пыль. Моторы выключены. Выходим из самолёта на землю, разминаем отекающие члены и закуриваем.

На командном пункте, в штабе части, экипажи отчитываются о результатах ночного полёта. Все корабли отбомбились по заданным целям. Командир части и друзья поздравляют нас с благополучно законченным боевым полётом.

В то время нам всем казалось, что полёт совершён отлично, что мы уже все знаем, что теперь дела пойдут хорошо и без потерь. Впоследствии, уже после ряда ночных полётов, нам стало ясно, что мы ещё очень многого тогда не знали, летали больше сердцем, чем разумом.

В столовой за завтраком стоит гул. Разгорячённые лица, широкие жесты, открытые сердца. Каждый чувствует себя героем. Столько впечатлений, что нехватает слов их выразить.

Только улегшись в постель, я почувствовал усталость. Быстро засыпаю и во сне вторично переживаю то, что было наяву. Стреляют пулемёты. Прожектор слепит глаза. Бомба отделяется от самолёта и медленно летит вниз. Яркий всплеск огня, слышу сильный взрыв. Открываю глаза. Жена собирает осколки разбитого графина и говорит мне, что время вставать, — вызывают в штаб на проработку задания.

— Откуда же ты наберёшь столько графинов, — говорю жене, — чтобы каждый раз, как меня будить, разбивать по одному?

— Графин разбился случайно, не придирайся, пожалуйста. Будить тебя я только собиралась, а ты уже и проснулся. Ну, рассказывай, что случилось?

— Да всё то же, что было в полёте: долго искали цель, низко летали, а проснулся оттого,

что бомба разорвалась, а оно, видишь, оказалось не бомба, а графин.

— Мне рассказывал Водопьянов, как ты их крутил ночью на малой высоте.

— Что ж, если ничего не видно, а очень уж хотелось выполнить задание, да и сердцу приятное сделать.

— А ты задание выполняй, а про сердце пока забудь. Лучше разумом работай, а то я знаю твоё сердце — того и гляди заведёт куда-нибудь в беду.

— Без сердца много не навоюешь. Да и откуда тебе знать, как нам воевать надо? Подумаешь, учитель бомбометания нашёлся! Ну, пока, до завтра. Утром встречай, да найди новый графин, а то нечем меня будить будет.

В штабе собрались командиры кораблей и штурманы. Полковник Лебедев зачитывает новый боевой приказ и делает указания.

7

СЕГОДНЯ в ночь вылет в те же края, цель будет указана дополнительно на аэродроме подскока, куда надо сейчас вылетать.

Через пятнадцать минут полёта посадка на аэродроме, где для каждого из наших самолётов уже приготовлены бомбы и горючее.

Наш маршрут — Смоленск. Цель — бомбить аэродром.

Лётчики, бывавшие ранее на этой цели, говорят нам, что только после полёта на Смоленск экипаж может считаться «видавшим виды».

Совсем стемнело. Идём в аэродромную гостиницу, держась друг за друга.

При тусклом свете готовимся к полёту. Расстелив карту на полу, лёжа на животе, чертим ли-

нии, рассчитываем путевые углы, расстояния и время.

Луна ещё не взошла. Темно. Земля, затянутая осенним морозцем, звенит. Самолёты по двойному конвейеру взлетают и садятся. Зелёные и красные лампочки движутся по кругу. Взвиваются ракеты всех цветов.

Воздух гудит сотнями моторов. На земле в разных местах фиолетовые языки от глушителей повисли в воздухе. Самих самолётов в темноте не видно.

С трудом находим свой самолёт и занимаем рабочие места. Подходит время нашего вылета. Моторы запущены, и тяжёлый самолёт медленно и важно рулит по затвердевшему полю. Тяжёлое колесо проваливается сквозь тонкую кору замёрзшей земли. Самолёт дрожит и, как конь, провалившийся на льду, судорожно выскакивает из ямы. Пищат и воют тормоза.

Дан сигнал. Отрываемся от поля и проваливаемся в темноту. Курс на запад.

Темнота жуткая, и, чтобы хоть что-нибудь видеть под собой, решили лететь на малой высоте.

Вся наша надежда на луну и Московское море.

И надежда нас не обманула. Блеснула дорожка на воде. Это Московское море. Уточнили своё место и пошли спокойно, с набором высоты.

В городе Старица, за Калинином, где Волга поворачивает и уходит на юг, большой пожар — где-то близко немцы.

По огненным частым вспышкам, ракетам и мелким пожарам определяем линию фронта.

Дальше опять темно. Лишь изредка отражение луны мелькнёт на озере.

Появились облака и плотной массой скрыли и без того тёмную, мрачную землю. Мы несколько приуныли. Как изменение давления заставляет

стрелку барометра отклоняться, так и облака влияют на настроение лётчика.

Но по прогнозу над целью должно быть безоблачно. Это поддерживает в нас уверенность, что всё будет хорошо. А хорошо для нас может быть только одно — увидеть цель и точно на неё положить все наши бомбы.

Наконец, облачность оборвалась, и при бледном свете луны блеснул наш родной Днепр; на изгибе его находится наша цель.

Вспыхнул прожектор. «Так, так, — думаю про себя, — давайте, зажигайте прожектора, показывайте своё логово, начинайте стрелять, заглушайте своей пальбой шум наших моторов».

Вспыхнули десятки прожекторов. Одни лучи были спокойные, скользили как бы во сне, нехотя, и часто совсем затухали. Другие, наоборот, были слишком подвижные и бросались из стороны в сторону.

Поднялась стрельба из всех видов оружия. Трассирующие снаряды, как длинные ленты серпантина, тянулись со всех сторон вверх, и там, где они скрещивались, образовывался огненный шатёр. Более крупные снаряды светящимися яблочками летели вверх и, достигая предельной высоты, на какое-то мгновение останавливались, и тогда казалось, что их можно достать рукой; затем они медленно опускались и где-то внизу затухали. Другие снаряды были во время полёта невидимы и большими огненными шарами рвались на нашей высоте. Вначале мы себя чувствовали не очень уютно в этом кипящем котле, но, оказывается, можно ко всему привыкнуть, и мы привыкли и даже как-то приспособились.

В это время наши товарищи из передних самолётов принялись за работу. Над целью повисли осветительные бомбы, Весь земной мало-

калиберный огонь устремился на эти повисшие большие факелы. Но тотчас же на цель посыпались бомбы всех калибров. Возникли пожары, а бомбы всё ложились и ложились. Прожекторы вскоре затухли, орудия замолчали. Похоже было, что прислуга или разбежалась, или её перебили.

— Красивая картина, — говорит Водопьянов.

— Ну, Михаил Васильевич, кажись, и наша очередь подошла. Заходи вот на тот большой пожар. Это и есть наша цель. Вот так, хорошо. Держи машину ровнее — открываю люки! Чуть-чуть доверни правее. Так держать!

Нажимаю кнопку. «Ну, милые, пошли, да дай вам бог удачи».

Через тридцать томительно долгих секунд внизу, возле большого пожара, образовался новый большой пожар, рядом с ним — ещё, чуть поменьше, и что-то стало рваться, разметая пламя во все стороны.

В самолёте пронёсся вздох облегчения. Экипажу, удачно отбомбившемуся, да ещё такому молодому и неопытному, как наш, было о чём говорить, кричать и смеяться.

Домой идти легко и приятно. Весёлого настроения хватило на весь обратный путь. С восходом солнца сошлись несколько наших кораблей и строем клина, близко друг к другу, подошли к своему аэродрому.

Под звон бокалов в столовой предложено было много хороших тостов. Улыбающиеся лица, сверкающие глаза, тёплые слова для друзей и грозные для врагов. Что может быть лучше этого момента? Глядя со стороны, никто бы не мог сказать, что вот эти люди пережили тяжёлый взлёт в темноте, длительный ночной полёт и что глаза этих людей видели море огня, направленного на них.

Во сне опять в полёте. Летим высоко-высоко, а внизу цепочки трассирующих пуль летят в нашу сторону, всё ближе и ближе к нашему самолёту. Вот они уже пронизали самолёт и сильно застучали по плоскости. Открываю глаза. Жена стучит на пишущей машинке.

— Ну, что, опять летал во сне?

— Летать-то летал, а вот зря ты машинкой здесь стучишь, когда я сплю.

— Подниматься тебе пора, вот я и застучала. Думаю, что услышишь и сам проснёшься. А насчёт полётов во сне — так это с непривычки. Привыкнешь немного и перестанешь такие сны видеть.

— Ты так говоришь, как будто бы сама много летала.

— Летать не летала, а насчёт снов кое в чём разбираюсь. Ну, ладно, не спорь, раз не понимаешь, да ночью, когда полетите, будь осторожен.

— А кто же немца будет бить, если я буду только и думать что о твоих советах?

— Да разве я говорю, чтобы ты немца не бил? Бей его побольше, но изредка и мои советы вспоминай.

8

НАША очередь вылетать во вторую половину ночи. Полёт на ближнюю цель, по переднему краю противника, который рвётся к Калинин. Летим с Пусэпом.

Погода отличная, тихая, ясная морозная ночь.

Для нас вылет в темноте стал уже почти привычным делом. Спокойно стартуем вслед за одним из наших кораблей. Впереди нас, в лесу, вспыхнуло большое красное пламя.

— Лётчики! Отворачивайте подальше от пожара, — кричу я.

— А что это горит? — спросил Пусэп.

— Горит самолёт Федоренко.

Федоренко наш старый товарищ, полярник.

Пожар разгорается. Взрываются бензобаки, разбрызгивая далеко горящий бензин.

— Крепче машину держите, сейчас бомбы взорвутся, — предупредил я лётчиков.

Осветив всё вокруг, высоко взлетело огромное пламя — взорвались бомбы. Нашу машину сильно потрянуло, и сквозь шум моторов до нас донёсся грохот разрыва бомб.

Да, вот где смерть нашла полярного лётчика Федоренко... Тяжёлое чувство вползает в сердце, но не время, не время теперь об этом думать. Кончим войну, помянем Федоренко и других товарищей, впустим в сердце и грусть и печаль. А сейчас...

— Лётчики! Держите курс! Чего разболтали машину? Пять градусов правее! Так держать!

Луна сегодня никак не помогает нам. Весь расчёт на пожары в районе цели и на свои осветительные бомбы. Далеко, за сотню километров, мы увидели на горизонте красное зарево большого пожара — горит Калинин.

За городом, в южной части, на дорогах скопились немецкие танки. С рассветом они пойдут в атаку на горящий город. Цель нашего полёта — разметать и поджечь танки, посеять панику, сорвать подготовку к атаке, нарушить связь.

На юге, за горящим городом, там, где должны быть танки, сплошная облачность закрывает от наших глаз землю. Только красные пятна на облаках показывают, что самолёты, прибывшие на цель раньше нас, уже действуют.

Облака плотные и без просветов. Цель — под нами. Бомбить сквозь облака не решаюсь. Медленно делаем большие круги над огненными пятнами. Всё чаще рвутся бомбы под нами. Высота 1500 метров. «Откуда наши бомбят? С какой высоты можно бросать бомбы? Какая высота нижнего края облаков?»

— Александр Павлович! Что будем делать? — спрашивает Пусэп.

— Поворачивай на север, веди обратно до Калинина, туда, где пожары. Там снизимся и пойдём на цель под облаками.

— А какая высота нижнего края облаков?

— Наверное, достаточная для бомбометания, если все корабли бомбят из-под облаков.

— А откуда ты знаешь, что из-под облаков?

— А иначе были бы осветительные бомбы над облаками, а ни одной не видно.

— Ну, добре, делай как лучше, тебе виднее, на то ты и впереди сидишь.

— Сделаем так, чтобы не стыдно было домой возвращаться. Ну, вот, теперь давай поворачивай на юг и со снижением держи прямо через пожары, так, чтобы самолёт вышел под облака в самом начале их. Когда будешь проходить над пожарами, не забудь покрепче машину держать, — болтать там будет сильно.

— Ладно, это я и без твоего совета знаю, — проворчал лётчик, направляя машину в самую гущу пожаров.

Высота 700 метров. Под нами охваченные пламенем кварталы Калинина. Рвутся артиллерийские снаряды. Город непрерывно обстреливается. Машину сильно подбросило вверх, потом вниз. Кто-то из экипажа отчаянным голосом крикнул: «Держите машину!»

— Ладно, без паники, — сказал лётчик, выравнивая самолёт. — Однако здорово трянуло, чуть с сиденья не выбросило.

Пылающий город остаётся позади, всё темнее становится земля. Облака, плотные и густые, опускаются всё ниже.

— Эндель Карлович! Держи чуть пониже машину, а то ни черта впереди не видно.

— Есть, держать чуть пониже, — отвечает лётчик и как бы про себя добавляет: — На этой высоте нас из автомата могут достать.

Высота 500 метров. Едва заметен перекрёсток дорог. Нажимаю секундомер. Лежу на животе в кабине, глаза — на секундомер и на землю, рука — на рукоятке бомболюков.

— Лётчики! Держать прямо машину. В облака не входить. Пройдём над целью, посмотрим хорошо, что к чему, выберем, где погуще танки стоят, сбросим осветительные бомбы, отметим место, а бомбить будем обратным курсом, — предложил я свой план бомбометания.

— Хорошо, выбирай что лучше, а я здесь в случае неприятностей сразу залезу в облака, — ответил Пусэп.

Между двух шоссе дорог большая ровная поляна, на которой пылающие костры освещают багровым заревом облака.

Горят танки и машины, разбрызгивая вокруг себя горящий бензин. Между костров видны люди. Они пытаются оттащить здоровые машины. Пожаров так много, что бомбы бросать некуда. С земли в нашу сторону несутся две тонкие струйки трассирующих пуль. Они близко проходят от самолёта, и пилот машинально задирает машину, пытаясь войти в облака.

— В облака не входить, — кричу я, — чуть пониже держи.

Две дороги сходятся и пересекаются. Быстро дёргаю два раза рукоятку, и на землю летят две осветительные бомбы. Рассчитанные на большую высоту, они загораются уже на земле. Они будут служить ориентирами для захода на цель.

Как ни быстро мы проскочили через перекрёсток, я заметил, что танковая колонна, застигнутая врасплох нашим налётом, ищет спасенья по дорогам. На перекрёстке двух дорог образовалась большая пробка из танков и машин, куда я и сбросил свои первые две бомбы, используя их не по прямому назначению.

Секундомер показал, что это место и есть заданная цель. Очень трудно, когда кругом всё горит, когда самолёт виден как на ладони и по нему стреляют все, кому не лень, — очень трудно в эти минуты работать с такими вещами, как секундомер. Но это необходимо для уточнения места, где был обнаружен противник.

— Лётчики, разворачивайте на сто восемьдесят градусов и держите курс на наши две бомбы, горящие на земле. Да побыстрее разворачивайте машину, чтобы не успели их потушить.

— Не потушат, бо они горячие, — шутит Пусэп, заложив крутой вираж чуть не под 90 градусов.

— Товарищ штурман! Надо влево повернуть, чтобы выйти на наши бомбы, — подал признаки жизни носовой стрелок Федорищенко.

— Хорошо! Направляй машину, тебе там виднее.

Дёргаю ручку. Пламя горящих на земле бомб хорошо освещает весь перекрёсток, и я убеждаюсь, что здесь, действительно, очень много ма-

шин. Сердце радостно стучит, вот-вот выскочит. Видны люди, пытающиеся оттащить горящие бомбы от машин. Застрочил пулемёт.

— Немного влево! Так, хорошо. Теперь держи ровно. Нажимаю кнопку.

— Можно в облака входить?—спросил Пусэп.

— Рано ещё. Надо рассмотреть, куда бомбы попали.

В самом центре перекрёстка одна за другой взорвались бомбы, и на секунду всё застыло. Сердце, кажется, остановилось. Неужели не загорится?

Машину очень сильно подбросило в самые облака, но страха не было. Другое чувство его опередило...

На месте разорвавшихся бомб взметнулось, осветив облака, огромное пламя.

Это вам за Калинин, за всё, что вы, мерзавцы, сделали!

Заложив глубокий вираж, Пусэп развернул машину влево.

— Александр Павлович! Пройдём ещё раз, просмотрим, что мы там наделали.

— Стрелки! Внимательно смотрите, считайте пожары!

Заходим третий раз. Быстро проносимся, сопровождаемые огненными струями, и видим, что наши бомбы и немного дальше бомбы товарищей удачно попали в самую гущу большой колонны танков, ставших теперь очагами пожаров.

Той же дорогой возвращались мы домой, ещё раз прошли над затянутым дымом пожаров Калинин. Сердце сжималось от гнева — хотелось повиснуть над ними, проклятыми, и бросать, бросать бомбы, без конца...

9
НЕМЦЫ напирают на Москву. Все подмосковные аэродромы забиты самолётами. Они летают день и ночь, сдерживая натиск врага. На аэродромах тесно. Поэтому нам приказано летать на бомбардировку с аэродрома базирования.

О том, какой это был аэродром, я уже рассказывал. Если бы в мирное время у лётчика отказал мотор, он, наверное, распрощался бы с жизнью при мысли о посадке на таком поле. А сейчас это аэродром, причём аэродром мощных сверхдальних бомбардировщиков.

Лётное поле немедленно принялись ровнять и готовить для взлёта тяжёлых кораблей с полной бомбовой загрузкой.

В густом лесу, вблизи стоянки самолётов, экипажи роют землянки, рубят лес. У каждого экипажа свой «архитектор». Нашу землянку спроектировал техник Вагин так, что единственное окно и то выходило на север. В землянке было и днём темно.

У самолётов день и ночь кипит работа — идёт непрерывное изучение и освоение сложной материальной части. На людей напала какая-то горячка. В столовой на скорую руку поедят — и бегом к самолёту, урывками соснут часок-другой — и снова за работу. А работы у каждого экипажа очень много. Нужно так подготовиться, чтобы не только ни один вылет не был сорван (об этом не могло быть и речи), но чтобы вылетать точно в намеченное время.

Незаметно подкралась осень. Раскис мягкий аэродром, залило водой с таким трудом построенные землянки.

Низкие свинцовые тучи нависли над полем. Круглые сутки идёт густой дождь.

Временами, днём, за облаками уныло гудит немецкий самолёт. Изредка бросит он по одной бомбе, пытаясь попасть в железнодорожный мост вблизи нашего аэродрома. На наших самолётах дежурят пушкари-стрелки, готовые отразить огнём самолётных пушек нападение на наш аэродром.

Через поля, леса, а то и через наш аэродром, тяжело ступая по грязи, медленно идут на восток большие стада скота. Двигутся телеги, нагружённые всяким домашним скарбом. С узлами на плечах проходят женщины, дети и старики.

Душа места не находила — тяготило вынужденное бездействие из-за погоды. Злость душила и в горле комом стояла. Всё сделано, проверено и ещё раз переделано. Всё предусмотрено, приспособлено и учтено до мелочей. А главное, всё то, что нас ожидает, так продумано и много раз внутри себя пережито, что, казалось, никакая неожиданность не могла застать нас врасплох.

Настроение было такое, что ничто нас не могло остановить: ни раскисший аэродром, ни свинцовые тучи, тяжело нависшие над лесом, ни морозящий нудный осенний дождь. Только боевые полёты могли удовлетворить наши души.

Последняя декада октября.

По всем признакам погода идёт на улучшение. Хотя на аэродроме всё ещё сыро и грязно, но дождя нет, и сквозь облака временами пробиваются лучи осеннего солнца.

Команды можно ждать с часу на час. Техники не слезают с кораблей. Готовы все приспособления для подвески бомб. Готовы машины, готовы люди.

НЕМЦЫ вбивают клинья в нашу оборону и глубокими обходными маневрами пытаются взять Москву в гигантские клещи. Орёл пал. Нам приказано ударить по правой клешне краба, стремящегося произвести обхват Москвы с юга, и воспрепятствовать продвижению скопившихся у Орла танковых соединений противника, готовых к броску на северо-восток.

Долгому, томительному ожиданию пришёл конец.

Нас вызывают на командный пункт. Зачитан приказ, проложен маршрут, намечены пункты и объекты бомбометания. Лица у всех серьёзные и даже какие-то торжественные. Ни шуток, ни улыбок, ни весёлых реплик.

— Невозможно дать советы на все случаи, с которыми вы можете встретиться в пути и над целью, — сказал нам на прощанье полковник Лебедев. — Помните лишь одно: бросая бомбы на танки в Орле, вы защищаете Москву, спасаете Россию.

Впервые наши жёны были свидетельницами боевого вылета мужей. В глазах их была полная растерянность. Они чувствовали, что мы уже не принадлежим им, что сейчас нет ни мужей, ни жён, что все воины, что они тоже воюют вместе с нами.

Сотни раз до войны они провожали нас в полёты, в экспедиции, сотни раз при проводах они находили нужные слова. А здесь... Ничего из привычных слов не скажешь. Разве можно сказать: «береги себя», «почаще пиши», «береги здоровье» и т. д.

И стояли они в толпе провожающих с сухими глазами, с застывшей улыбкой и смотрели на нас,

уже живших только полётом, бомбами, пожарами, взрывами и слившихся в одно с большой сложной машиной, которую мы должны сейчас поднять в воздух и повести в бой на защиту всех советских людей...

Командир полка направился на старт провожать самолёты в полёт.

Машина остановилась возле группы провожающих.

— Подумаешь, не видели самолёта, — раздался раздражённый голос полковника Лебедева. — Пора привыкнуть к войне. А жён чтобы я и близко не видел возле машин! Мало заботы вашим мужьям, так ещё и вы здесь. Марш в штаб! Из окон смотрите.

И, сердито захлопнув дверцу машины, поехал на старт.

Выстрел — взрывается ракета. Разом запущены моторы. Лес зашевелился, листья зашуршали, воздух наполнился равномерным рокотом работающих на малом газу моторов.

Зелёная ракета — рокот усиливается. Над лесом будто буря поднялась. Летят мокрые жёлтые листья. Тяжело переваливаясь, медленно плывут корабли к автомашине, откуда по взмаху флага полковника один за другим, отрываясь от поля, уходят в сторону заходящего солнца.

Наша машина стоит рядом с командиром полка. Очередной перед нами самолёт взлетает неудачно, сильно прыгает и сбивается с прямого направления. У полковника Лебедева рука с поднятым красным флажком застывает. Кажется, конца взлёту не будет. Машина прыгает всё сильнее. Лебедев не выдерживает и, отворачивая от неё глаза, смотрит на наш самолёт. Наконец, машина всё же отрывается.

Наша очередь. Водопьянов поднимает левую руку, прося разрешения начать взлёт. Быстро взглянув на злополучный самолёт и с облегчением вздохнув, Лебедев машет белым флажком — взлёт разрешён.

И когда уже машина сдвинулась с места, Лебедев, грозясь кулаком, напоминает нашим лётчикам, что взлетать надо по прямой, указанной его флажком.

— Ну, Мосалев, держи газы, да помогай выдерживать направление. Сейчас начнём прыгать, — раздался спокойный голос Водопьянова.

— Ничего, Михаил Васильевич, оторвёмся, как боги, — ответил тонким голосом Мосалев.

Вопреки ожиданиям, наш самолёт оторвался сносно — я ни разу не стукнулся ни головой, ни другими частями тела о многочисленные твёрдые предметы, заполнившие мою кабину.

Оторвавшись так легко, мы сразу же пожалели, что не взяли полной бомбовой нагрузки, и здесь же решили, что в следующий вылет можно будет нагрузку увеличить.

Растянувшись цепочкой, по одному, шли тяжёлые корабли помогать рубить правую клешню немцев, занесённую над Москвой.

Самолёты шли на юго-запад. Они как бы старались догнать уходящее солнце, при свете которого так просто и легко выдерживать заданный маршрут. Но не суждено современным самолётам нагонять солнце. Опускаясь всё ниже, солнце скрылось за горизонтом. Густые сумерки окутали землю чёрным покрывалом.

В середине маршрута под самолётом появились плотные ровные облака, скрывшие от нас землю. По расчётам и измерениям, сделанным ещё при видимости земли, корабль уверенно идёт к цели. Только бы облаков над целью не было! Хорошо

будет, если сегодня прогноз наших синоптиков оправдается. Они обещали в районе цели безоблачную погоду.

Над нами тёмное небо, усеянное крупными мерцающими звёздами. На большой высоте они как-то непривычно, по-новому выглядят.

Под нами чёрная земля с кострами, пожарами, разноцветными ракетами.

Над Тулой и Мценском — зенитная канонада и густой лес прожекторов.

В Орле бушуют пожары. Полдесятка прожекторов шарит по небу. Вялая зенитная стрельба.

— Ну как, Саша, откуда будем заходить? — спрашивает Водопьянов.

— Спускайся пониже, да заходи с юга.

Выключив свет, прикипаю к прицелу и, напрягая зрение до боли, смотрю вниз. В реке отражаются огни береговых пожаров и вырисовываются контуры города. Лучи прожекторов перекрещиваются где-то близко от нас. Красные разрывы зенитных снарядов заносят в кабину запах пороха.

Короткие команды лётчику довернуть самолёт. Открыты бомболюки. Палец на кнопке бомбосбрасывателя. Лёгкое нажатие — и три тонны бомб полетят вниз... Но куда? Я не ясно вижу точку прицеливания. Мне жарко... Термометр показывает минус двадцать пять. В самолёте напряжённая тишина...

Вертикально под нами проходит район цели, и я только теперь вижу точку, на которую должен сбросить бомбы.

Снимаю палец с боевой кнопки.

— Не вышло на этот раз. Плохо цель видна. Надо снизиться ещё на пару тысяч метров, — говорю я, обращаясь к Водопьянову.

— Сбить могут нас на такой высоте, — раздаётся нервный голос борттехника.

— Ничего, не собьют, штурман прав, нечего зря бомбы бросать, — говорит Водопьянов. — Разворачивай, Мосалев, вправо со снижением.

— Есть, вправо снижаться, — ответил Мосалев и, заложив глубокий вираж, повёл машину на снижение.

Удивительно, как у такого маленького человека громадная машина становилась лёгкой и послушной.

Сделаны перерасчёты угла прицеливания на новую высоту. Заходим с юга. Река выделяется ярче. Контуры города вырисовываются резче.

— Ну как, Саша, теперь лучше видно? — спрашивает Водопьянов.

— Теперь в самый раз. Сейчас сбросим.

Прожектор лазит возле нас, вот-вот вцепится в самолёт и спутает все наши замыслы.

— Вот, чорт, шляется здесь рядом, — бурчит про себя Водопьянов.

Поймав в прицел нужную точку на земле, с силой нажимаю боевую кнопку и с облегчением наблюдаю, как из живота самолёта отделяются чёрные бомбы и скрываются в темноте.

Прожектор вцепился в самолёт и цепко его держит. Но меня это мало беспокоит. Главное сделано — бомбы сброшены туда, куда нужно.

— Готово, Михаил Васильевич, сбросил, — говорю я. — Теперь отцепляйтесь от прожектора, да пойдём домой.

— Мосалев, давай покруче заворачивай вправо, а я посмотрю, куда бомбы упали, — сказал Водопьянов.

— Хорошо бомбы упали, товарищ командир, — закричали в один голос наши стрелки. — Вот смотрите, горит слева. Это наш пожар,

Мосалеву очень быстро удалось оторваться от прожектора. Облака надёжно скрыли нас от враждебных глаз.

Я спокойно занялся делами, обычными для штурмана после бомбометания: закрыл люки, записал время бомбометания и отхода от цели, привёл в нейтральное положение все рычаги и приборы бомбосбрасывателя и навёл порядок в кабине.

На курс самолёта, которым мы уходили от цели, я и внимания не обратил — опыта тогда было у меня ещё мало.

Мосалев же при уходе от прожектора увлёкся виражами и за курсом тоже не следил. И неожиданно для всех вокруг самолёта стали рваться зенитные снаряды, да так густо, что на секунду возникла мысль: «Вот тут-то в нас, наверное, уж попадут».

Одного взгляда на карту было достаточно, чтобы понять, что мы здорово отклонились влево и попали под жестокий обстрел ПВО в запретной для нас зоне.

— Вправо девяносто, — резко подал я команду лётчикам, — Мосалев, чего так далеко влево взял, почему курса не выдержишь?

— Да кто его знает, вроде прямо держал, — оправдывается Мосалев.

— А кто это так стреляет? — спросил Водопьянов.

— Наши стреляют, — ответил я.

— А здорово стреляют, если бы не облака, то, пожалуй, нам бы досталось, — сказал Водопьянов.

Мосалев, исправляя ошибку, загнул крутой вираж — уходил от зениток на линию своего маршрута.

Чувствуя за собой вину, я внутренне поклялся быть в дальнейшем осторожнее и ни при каких обстоятельствах не забывать своих обязанностей. Хорошо ещё, что под нами были сплошные облака.

Исправили курс. Вышли на линию заданного пути и вскоре были далеко и от пожаров и от зенитного огня.

Где-то в середине маршрута оборвались облака. Темнота жуткая. Идём со снижением. Лётчики проявляют явное беспокойство. Они ничего не видят ни впереди себя, ни под собой.

Высота тысяча метров. От близости земли темнота кажется ещё гуще. Ни одного огонька, ни одного светового пятнышка, никаких контуров, хотя бы самых неясных. И сколько экипаж ни напрягал зрение — ничего не видно.

В темноте циферблаты многочисленных приборов ярко светятся фосфорическим светом. Дрожат стрелки приборов. Зажигаю в кабине свет и занимаюсь прокладкой и поправкой пути на карте по показаниям приборов. По расчётному месту выходит, что можно уже использовать маломощную радиостанцию своего аэродрома. Включаю радиополукомпас и по маленькой стрелке индикатора исправляю курс.

— Прилётим благополучно домой, буду просить, чтобы разрешили летать днём, — говорит Водопьянов. — Саша, ты там видишь что-нибудь?

— Вижу, Михаил Васильевич. Мы идём прямо на аэродром и скоро будем дома.

— Где ты видишь?

— Да вот по всем своим приборам вижу.

— Ну это всё не то. Прибор прибором, а глаза всё же лучше. Вот испортись у тебя прибор, что будешь делать, куда лететь, где са-

даться? Нет, завтра же полетим днём бомбить. Летали же мы с тобой в сороковом году бомбить белофиннов среди бела дня, и всё обошлось благополучно. Борттехники, чтобы завтра же с утра корабль был готов для дневного полёта.

— Впереди вижу прожектор, — крикнул Мосалев.

— Это на нашем аэродроме, — сказал носовой стрелок Федорищенко.

— Ну, теперь, пожалуй, и дома скоро будем, — сказал Водопьянов.

Спало напряжение. Послышались оживлённые переговоры.

Работа моя приходила к концу, я стал понемногу укладывать своё имущество и готовиться к отчёту о проделанной всем экипажем работе.

Над аэродромом видны красные и зелёные лампочки. Это наши товарищи, пришедшие раньше нас, ходят с правым кругом в ожидании очереди посадки.

— Михаил Васильевич, — обратился я к Водопьянову, — а может быть попросите у командира разрешения летать и днём и ночью?

— Да, пожалуй, можно будет и так сделать, — согласился Водопьянов.

В свете прожектора наш самолёт легко касается аэродрома и катится по полю, слегка подпрыгивая на неровностях.

Рулим к своей стоянке и выключаем моторы.

Пятичасовой боевой полёт после большого перерыва был завершён благополучно. Как говорят рыбаки: «Лёд тронулся, и теперь у нас дело пойдёт на лад».

Все наши корабли вернулись домой. На командном пункте полковник Лебедев, не скрывая довольной улыбки, принимал доклады от командиров кораблей и штурманов. Здесь же после

доклада Водопьянов попросил у полковника Лебедева разрешения на дневной боевой полёт.

— А тебе чего так захотелось дневного полёта, жизнь надоела, что ли? — спросил Лебедев.

— Насчёт жизни, Викторин Иванович, трудно сказать, где мы больше ею рискуем: в дневном полёте на большой высоте или же вот в сегодняшнем полёте, когда жизнь всего экипажа висела на кончике стрелки индикатора радиополукомпаса, — возразил Водопьянов.

— Да, это верно, только по радио и вышли на свой аэродром, — раздались голоса лётчиков.

— Наша часть создана для ночной работы. Днём у немца ещё большие преимущества, и мы не можем рисковать такими дорогими кораблями, — возразил Лебедев.

— Ничего, Викторин Иванович, попытка — не пытка, от истребителей отобьёмся своими пушками. Чего их зря возить? А зенитка на большой высоте не попадёт. А жить я ещё хочу долго и для этого и прошу вашего ходатайства в получении разрешения работать нам столько, сколько мы сможем и сколько корабль выдержит. Не выйдем ничего из дневного полёта — будем летать только ночью, а выйдем — то будем работать и днём и ночью, — уговаривал Водопьянов полковника Лебедева.

— Ну, ладно, идите отдыхать, завтра что-нибудь, может, и сделаем. Во всяком случае можно будет попробовать пустить пару кораблей днём.

Предложение Водопьянова вызвало среди лётчиков оживлённые споры.

Большинство склонялось к тому, чтобы на наших кораблях летать и днём и ночью. Более осторожные высказывались только за ночные полёты, по два в ночь на ближние цели.

— Ну вот, Муся, и всё в порядке, — услышал я разговор одного лётчика с женой. — Ничего с нами не случилось, а ты боялась.

— Боялась, когда взлетали, а как увидела, что улетели, и бояться перестала.

— Разве ты видела наш взлёт? Вас же всех полковник Лебедев прогнал с аэродрома?

— А мы собрались в комнате Иващенко и из окна всё видели. Скажи, Сергей, почему так прыгал самолёт, когда бежал по полю? Я всё боялась, чтобы бомбы не оторвались от самолёта и чтобы вы не взорвались.

— За бомбы не бойся — не оторвутся, они у нас крепко привязаны.

— А чем же вы их привязываете?

— Проволокой, а то и верёвочками всякими, — пошутил лётчик. — Ну, старушка, спать, спать. Завтра много работы.

С запозданием на наш аэродром пришло «бабье лето». Гонимые лёгким ветром, низко над землёй плывут серебряные нити паутины. На безоблачном небе — яркое солнце. Сухие листья падают с деревьев и жёлтым ковром покрывают землю.

Мы торжествуем.

Два корабля, в том числе и наш, выделены для опытного полёта на дневное бомбометание. На обоих кораблях командиры и часть экипажа — старые полярные работники. Случайно ли это? Нет, не случайно. Арктика воспитала нас, закалила. С чем с другим, как не с полётом в ранее недоступные полярные области, в области вечных льдов, в царство безжалостных стихий, не прощающих людям ошибок, можно сравнить предстоящий полёт?